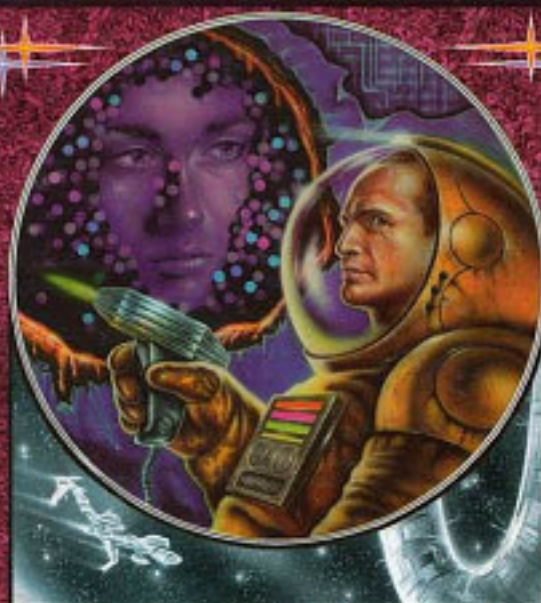

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

Беглецы из ниоткуда

ЭКСМО

Владимир Михайлов
Беглецы из ниоткуда

«Автор»

1999

Михайлов В. Д.

Беглецы из ниоткуда / В. Д. Михайлов — «Автор», 1999

Межзвездный пассажирский лайнер «Кит», следуя с планеты Антора в Солнечную систему, уже на самом подлете к Земле внезапно теряет управление, превратившись с антивещество вместе со своими пассажирами. Теперь судьба космических путешественников зависит не только от их мужества, решительности, но и от расклада многих сил на самой Земле и воли загадочного инопланетного разума.

© Михайлов В. Д., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	34
Глава 8	35
Часть II	43
Глава 1	43
Глава 2	47
Глава 3	50
Глава 4	52
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Владимир Михайлов

Беглецы из ниоткуда

Часть I

Глава 1

Бытие

Сначала в году было триста шестьдесят пять дней с четвертью, так что каждый четвертый год получался на сутки длиннее. В сутках содержалось двадцать четыре часа, в часе – шестьдесят минут, в минуте – столько же секунд.

Потом четвертушки по общему решению отпали: они только усложняли счет. Високосных лет не стало. Никто не пожалел.

Затем изменилось летосчисление. Какое-то время годам велась двойная бухгалтерия: отмечалось, каким был текущий год на родине, то есть на Земле, а в скобках – какой шел по своему, местному счету. Однако прошли дни – и решили, что двойной отсчет ни к чему: все равно никто не мог с уверенностью сказать, какой год стоял сейчас на Земле: пока их швыряло по пространству, могли и сбиться, да и не было гарантии, что там, где они сейчас находились, время текло так же, как на планете, отторгнувшей их, как инородное тело, несовместимое с нормальной жизнью. Две тысячи с чем-то – цифры эти ничего более не означали. Их перестали употреблять. И сейчас корабельный календарь показывал лишь, что год нынче шел восемнадцатый.

Дальше – отбросили лишнюю пятидневку, и в году осталось ровно триста шестьдесят дней; двенадцать месяцев по тридцати суток в каждом. Так что исчисление возраста теперь не вполне совпадало с некогда привычным. Ну и что?

Так они постепенно – в душе – уходили от Земли все дальше. Как и сами, наверное, успели стереться из памяти метрополии, да и всей Федерации.

Это – старые. А молодым уходить было неоткуда, потому что Земля, как и любая другая из планет, являлась для них лишь звуком пустым, не более. Реально было только то, что происходило тут, в строго ограниченных, безвыходных пределах корабельных корпусов; и еще заслуживало какого-то внимания нечто, возникавшее совсем неподалеку. За бортом. Рукотворная планета Петрония – так ее, после небольшой дискуссии, нарекли. До таких вот размеров сузилась Вселенная.

Так был нынче устроен мир.

* * *

Впрочем, разве вблизи корабля и на самом деле что-то возникало?

Имелись в этом сомнения. И даже немалые. Чем дальше, тем больше их становилось. Но об этом вслух, официально никто пока еще не говорил. Может, потому, что как-то неудобно казалось. Все-таки столько лет верили в сотворение нового мира. А еще точнее – только эта надежда позволила в свое время выжить. Сохранить облик человеческий. Хотя вообще-то потерять его было очень несложно, когда – эти самые восемнадцать лет тому назад – стало ясно, что не только на Землю или хотя бы на какую-нибудь Ливию, но и вообще никуда им больше не попасть и жить придется здесь, в корабле. Или вообще не жить.

Глава 2

Хроника: год бытия первый

Вот тогда-то и спасла идея: самим создать планету. Тут, рядышком. За бортом.

И еще одно, конечно, выручило: то, что потом назвали старинным термином – «Демографический взрыв». Или (это физик, ехидно) эрой спаривания.

Началось с того, что, как уже известно, у Веры – по-старому бортпроводницы, а по тогдашнему фактическому своему положению – жены администратора Карского, родилась дочка. Назвали ее тогда красиво: Орланой. Так захотелось матери, хотя Инна, в прошлом актриса, предлагала имя куда более скромное: Офелия. По воспоминаниям театральной молодости. Карский, однако, помнил, что у девушки из пьесы судьба оказалась незавидной, и долго еще обижался на Инну, усмотрев в ее рекомендации скрытое недоброжелательство. Хотя на самом деле ничего подобного, конечно, не было.

– Вот сами родите, – сказал он тогда актрисе, – тогда и называйте как вам заблагорассудится.

Инна в тот раз промолчала. Только надменно запрокинула голову и поджала губы.

А через полгода взяла да и родила.

Однако Офелией не назвала. По той, наверное, причине, что произвела на свет мальчика. Красивого, со временем все более походившего на штурмана Лугового. Отец страшно гордился. Все ждали, что имя младенцу дадут классическое – что-нибудь вроде Фортиnbrаса, скажем. Но оказалось, что родился просто Семен. Тут сыграло роль совпадение: оказалось, что и отец Инны был Семен, и родитель штурмана Лугового носил то же самое имя. Ну что же: в жизни еще и не такое случается.

Истомин немного огорчился тому, что Инна оказалась теперь уже на все времена для него потерянной; но (во всяком случае, так казалось со стороны) быстро утешился тем, что у него забот не прибавилось, в отличие от родителей.

Прошло не так уж много времени – чуть больше года, помнится, – и ему стало казаться, что хорошо бы устроиться где-то подальше от ребячьего писка и семейных идиллий; укрыться от торжествующих взглядов, которые Инна нет-нет, да и бросала в его сторону. Захотелось вдруг уединиться от всех, никого не видеть как можно дольше, а главное – не слышать детских голосов, порою начинавших казаться ему невыносимыми вплоть до того, что приходило на память древнее изречение: «Детей убивать, конечно, нельзя, но что-то же нужно с ними сделать!» Причиной столь сильной мизантропии было то, что Инна родила второго ребенка, и, как и следовало ожидать, Истоминым овладела непродолжительная, но весьма сильная досада на самого себя: ведь, не взбрыкни он тогда, не закружись голова от близости Земли, от предвкушения новых мест и новых лиц, молодых и прекрасных, – близость с Инной сохранилась бы, и детишки эти были бы сейчас его. Теперь ему уже казалось, что все связанные с семейной жизнью заботы суть явления преходящие и в чем-то даже приятные, а если и возникали бы неудобства, то они были бы воистину мелкими по сравнению с ощущением продолжительности своего рода. Прежде такие мысли его не волновали, поскольку все люди происходят, как известно, если не от Адама, то от какого-нибудь Арона Гутанга; но с годами и с одиночеством представления об этом изменились. Воистину, на корабле было все – даже и свои пустыни для желающих поотшельничать.

Правда, осуществить замысел ему удалось далеко не сразу. Хотя корабль был достаточно велик, удобное местечко для одинокой жизни пришлось поискать. Для начала он на некоторое время – помнится, года на два, а может быть, и три – переселился в туристический класс, где других обитателей не было и вроде бы и быть не могло. Не исключено, что он и по сей день обитал бы там; помешали молодые, когда они, отделившись от родительского поколения, хотя и

не сразу, но все же обосновались именно в турмодуле. Истомин сперва чуть ли не обрадовался этому – к молодым он всегда относился хорошо, – и даже подружился, но уже месяца через два ему стало казаться, что они слишком уж шумны, подвижны, безалаберны – а хотелось тишины, покоя, простора для размышлений... Может, сыграло какую-то роль, между прочим, и то, что старшие девочки стали уже, по сути дела, совсем женщинами, и это волновало, хотя он раз и навсегда сказал себе, что для него они – даже и в мыслях неприкосновенны; вывод был, безусловно, правильным. Так что пришлось возобновить поиски укромного и надежного пристанища. Скита, пустыни, как он про себя называл это – хотя и не без усмешки.

В конце концов Истомин отыскал такой уголок и переселился. Надо сказать, местечко для одинокой жизни удалось найти удобное и очень даже комфортабельное.

Помог ему в этом капитан Устюг.

Когда поиски стали уж слишком затягиваться, писатель обратился к нему и попросил, ни более ни менее, как уступить ему, Истомину, капитанские апартаменты: после примирения с Зоей Устюг своей каютой не пользовался, лишь иногда заходил туда – просто так, по старой памяти. Тем не менее писательские притязания были категорически отвергнуты. То ли капитан хотел на всякий случай сохранить запасные позиции, то ли все еще считал себя настоящим капитаном, а отказ от каюты означал бы для него признание своей полной отставки – трудно сказать. Но, поглядев на совсем приунывшего писателя, в ответ на крик души: «Что же: неужели на таком корабле человеку и укрыться негде? Мне для работы необходим покой!» – капитан спокойно ответил:

– Отчего же? Есть хорошее местечко, и думаю, оно вам вполне подойдет.

Местечком этим оказалась каюта суперкарго – человека, коему полагалось везти грузом и нести за него полную ответственность. Поэтому каюта его была даже более удобная, чем пассажирские в первом классе, а располагалась она в грузовом корпусе, весьма удаленном от обитаемых палуб.

Свободной же она оказалась потому, что этот рейс был чисто пассажирским, на Анторе срочного груза для Земли не нашли, его и не предвиделось даже; старые роботы, с которыми некогда развлекались сперва покойный Еремеев, а потом и ныне здравствующий Нарев, шли по цене лома и в особом сопровождении не нуждались, а серьезный груз ожидал на Земле, и предполагалось, что, доставив пассажиров, «Кит» заберет его и унесет в систему Тау. Следовательно, начальнику груза делать в этом рейсе было нечего, и он остался на Земле и производил необходимое оформление готовых для отправки товаров. Как известно, корабля он так и не дождался, и груз, надо думать, отправился в Тау на другом каком-нибудь борту; каюта же так и осталась свободной, и капитан смог предложить ее писателю, никого и ни в чем не стесняя.

Так все и обошлось – ко всеобщему удовольствию. Ни один не стал возражать, потому что никто от истоминского поступка не пострадал. В глубине души писатель обиделся: выходило, что он тут никому не был нужен. Может, это и не совсем так было, но в те дни и месяцы все увлекались детским вопросом, а в этих делах Истомин авторитетом не пользовался.

Как можно было предположить заранее, остальные дамы, похоже, решили не отставать от Веры с Инной: человечество «Кита», пусть и крохотное, должно было продолжаться и множиться – в тех, разумеется, пределах, какие задавал сам корабль.

На Ливии, откуда происходил Нарев, двойни рождаются чаще, чем в любом другом мире, входящем в Федерацию. Принято было считать, что там на женщин влияет какой-то еще неустановленный фактор. Так или иначе, Мила вскорости разрешилась двойней; младенцы оказались разного пола, и вовсе не исключено, что не в матери тут было дело, а в Нареве: Мила на Ливии никогда не бывала. Но это никого не занимало; все были рады за женщину, очень рады – может, одного ребенка ей бы и не хватило, чтобы мысли отвлеклись от оставшегося в далеком, недостижимом мире мальчика, но с двумя оказалось всего выше головы: и возни, и волнений, и любви. К человечеству прибавились Валентин и Валентина. Память о покойном

Еремеева была еще слишком свежа, надо думать. Нарев не почувствовал себя задетым; жизнь давно научила его не быть слишком обидчивым.

Хотя, правда, имелось среди дам и исключение: доктор Зоя не стремилась вроде бы стать матерью. Когда ей намекали на это – лишь отшучивалась: говорила, что ей хватает возни с чужими детьми, где уж тут заводить своих. И еще, что если уж очень захочется, она выведет младенца в пробирке, чтобы совершенно не зависеть от мужской части населения. Шутила, разумеется; однако можно было и всерьез задуматься: а не придется ли именно таким способом доводить народонаселение до необходимого минимума? Если бы найти способ ускорить естественный процесс...

Время показало, что характер у Зои оказался покрепче, чем у капитана Устюга – хотя уж от опытного судоводителя можно было ожидать предельной выдержки. Она и была, и хватило ее почти на целый год. Ровно столько он наблюдал, как стремительно набирал обороты внезапный роман Зои с физиком Карачаровым; капитан подозревал (и, может, не без оснований), что со стороны Зои то была лишь своего рода чисто женская месть, и что на самом деле она вовсе не столь неуязвима, сколь хотела казаться.

Что же касается физика, то, спрятав Зою под свое крыло, он счел задачу решенной раз и навсегда, накрепко забыв, а скорее, никогда и не зная, что для женщины, даже для такой самостоятельной, как Зоя, случившееся с ними означало лишь начало отношений, которые должны были постоянно развиваться; Карачаров сразу же после медового месяца снова нырнул в свои теории, полагая, что уж коли жена возникла, то никуда больше она не денется.

Зое же нужно было, чтобы каждый день и каждый час ее завоевывали заново. Увидев, что ничего подобного не происходит, она сначала удивилась, потом обиделась (физик же упорно не замечал этого); может, другая женщина на ее месте постаралась бы привести супруга к необходимым выводам: средств для этого, как известно, у женщин всегда предостаточно. Она же оказалась для этого слишком гордой и ожидала, когда муж додумается сам, а пока этого не происходило – не рисковала родить ребенка: семья, по ее представлениям, должна была быть нерушимой – на ее условиях.

Она ждала почти целый год, а потом, без всяких объяснений, собрала свои вещи и вернулась в ту каюту, в которой и начинала этот бесконечный полет.

Карачаров очень удивился: по его мнению, все было в наилучшем порядке; он пошел за объяснениями, однако разговор не состоялся, потому что не произошло и самой встречи: Зоя просто не пустила бывшего мужа на порог. Физик попереживал ровно столько, сколько у него оставалось свободного от гипотез и вычислений (о которых речь пойдет позже) времени, и примирился, решив, что в конце концов так даже лучше: семья создавала слишком много сложностей.

Устюг после этого воспрянул духом в надежде, что теперь-то уж Зоя призовет его. Она же, возможно, ждала каких-то решительных поступков от капитана. Похоже, они испытывали друг друга; остальные, уже определившиеся, наблюдали за этим безмолвным состязанием с веселым интересом.

Капитан Устюг не выдержал первым.

Может, потому, что у Зои действительно дел было по горло. Известно, что для того, чтобы выжить в ненормальных условиях, человеку необходимо найти такое занятие, какое поможет ему надолго отключаться от мыслей о настоящем и будущем. Для Зои это была медицина. А поскольку на корабле люди не болели, она занялась их обследованием: осматривала, выслушивала, снимала кардио- и энцефалограммы, накапливала материал, предполагая, что с возрастом придут и недомогания – тогда-то все и пригодится. Люди подчинялись ей охотно: деятельность врача делала жизнь более похожей на привычную, ту, что была в большом мире.

Капитану же корабля (уже потерявшему право называться так, потому что и сам «Кит» утратил те свойства, какие и делали его кораблем) заняться было практически нечем; разве что

время от времени проверять командные механизмы и устройства – чтобы хотя бы не стать просто ассистентом у инженера Рудика, который ежедневно с утра до вечера проводил ремонтные работы – да еще (тут уж работали все три члена экипажа) регулярно настраивать синтезатор – источник и основу бытия. А может, сыграло роль то, что, кроме него, в холостяках ходил еще и Истомин – а кто мог знать, что придет в голову обиженной и вдвойне разочарованной женщине?

Капитан не выдержал – однажды, когда считалось, что был вечер, пришел в докторскую каюту. Что и как там происходило – никто и никогда не узнал, зато результат стал известен очень быстро: свершилось наконец то, о чем эти двое договаривались еще накануне прибытия на Землю, как известно, так и не состоявшегося. Капитан выглядел счастливым, Зоя – как обычно. И по-прежнему не очень спешила: дочь Майя родилась у доктора через год и три месяца – тогда, когда Вера донашивала уже новую – как было заказано, девочку. Эту новую назвали Гренадой (ох уж эти родительские фантазии!). Зоя предупредила, что будет поступать по справедливости, соблюдая равноправие полов прежде всего в количестве. Особого труда это не представляло: работать с генами в корабельных условиях оказалось для врача несложным.

Дети рождались и потом, демографические взрывы происходят не мгновенно. Однако Вера хотела девочку – и администратор уговорил Зою уступить. В конце концов она согласилась, но предупредила, что это – в последний раз.

И сама – уже в следующем, Третьем году бытия, родила Атоса (имя сыну дал отец).

В Четвертом году Мила родила Али. В следующем, Пятом году, Инна произвела на свет Павла и заявила, что с нее хватит. В Пятом же Зоя разрешилась Флором, Вера же – Зорей.

Очередной год, Шестой, прошел без прироста населения, и все уже успокоились было, но в Седьмом Вера в очередной раз родила девочку и назвала ее Иллой.

В общем, то были, как теперь казалось, годы радости. Если и был на корабле человек, которого рождение детей огорчало, то это опять-таки Истомин (писателям всегда что-нибудь да не нравится). Нет, как уже упоминалось, детей он, в общем, любил, и в своем – то ли рассказе, то ли очерке, в котором он еще в самом начале Бытия попытался нарисовать картинку великолепного будущего, какое (ему так хотелось этого!) ожидало их на Новой Планете, – в этом своем произведении он так и предсказывал: дети будут, и окажется их немало. Так что сам прирост населения его скорее радовал – особенно когда ему удалось, как уже известно, изолироваться от мира детей.

Но ведь тогда, описывая будущее, он детям и имена дал! Эрг, Вольт, Ом, Дина, Стен... Красивые, звучные имена; что с того, что заимствованы они были в принятой в Федерации Системе единиц измерения? И то, что ни одно из данных им имен так и не было использовано, ни одна мать, ни один отец о них даже не вспомнили, его глубоко обидело, потому что (с его точки зрения) свидетельствовало о полном неуважении к нему – и даже шире: к искусству вообще. Нет, не зря он, так сказать, отправился в добровольное изгнание в трюмный корпус.

После рождения Зори взрыв можно было считать завершившимся. Так что сейчас, восемнадцать лет спустя, молодых было ни много ни мало – уже двенадцать; на одного человека больше, чем числилось живых в старшем поколении. И самой младшей исполнилось одиннадцать лет.

Впрочем, на Земле на взгляд ребятам дали бы больше, чем им было на самом деле. Возможно, жизнь в замкнутом объеме с его концентрированным психополем и должна была привести к такому эффекту, а может, имелись и другие причины; трудно сказать. Но можно с уверенностью утверждать, что родители – да и все старшее поколение «Кита» этого не замечали: дети (казалось им) были как дети. Наверное, потому, что и взрослые успели в немалой степени измениться за минувшие восемнадцать лет. Тоже – сами того не замечая.

Глава 3

Далеко – вне нашей системы координат

Одни миры, отжив свое, умирают, другие – живут, третьи только-только нарождаются. Для рождения миров нужна энергия. Нужно вещество. И – информация. Энергия есть везде. Вещество возникает на месте. Информация – передается. И если передача ее прерывается – возникающему миру начинает грозить множество опасностей.

Такое, правда, практически не происходит. Да и теоретически вроде бы исключено. И тем не менее...

* * *

- Всеобъемлющий, в системе два-пять-восемь – нарушения.
- В чем дело?
- Не проходит основополагающая информация. Процесс останавливается. И есть опасность, что он пойдет в нежелательном направлении. А это, в свою очередь...
- Можете не продолжать. В чем причина?
- Причины непрохождения информации пока неизвестны.
- А место, место? Где поток затухает – или отклоняется от нужного направления? Найдя место, вы найдете причину, найдя ее – исправите.
- Сейчас мы заняты определением места и причины.
- Как только установите точно – пошлите туда кого-нибудь из лучших проницателей. Дайте ему столько сил, сколько понадобится. Пусть сделает все, что нужно, чтобы обеспечить проход информационного луча по нашему каналу.
- Почтительно выполняю, Всеобъемлющий.
- Нет, это не боги. Но и не люди, конечно. Совсем другие.
- У людей же – свои заботы. Были, есть и еще будут.

Глава 4

Бытие

Итак, население выросло. Бытовых сложностей это не вызвало: места на корабле хватало, и синтезатор пока еще исправно обеспечивал всех нужными для спокойной жизни пищей, одеждой и всем прочим.

Покоя, однако же, не было.

Он даже и не снился.

Быть может, потому, что люди – хотели они того или нет – принесли в мирок, в котором можно (и нужно) было жить по новым правилам и условиям, не тем, что существовали и соблюдались на планетах Федерации (поскольку большей части тамошних проблем и забот здесь просто не существовало), – принесли с собой и продолжали исповедовать прежнюю систему жизненных ценностей, а следовательно – поведения и политики. В обществе, состоящем из нескольких человек и замкнутом в до предела ограниченном пространстве, люди действовали так, словно продолжали жить в необъятном пространстве Федерации, населенном людьми, количество которых так никогда и не было точно установлено.

Хотя в крохотном мире «Кита» властвовать было незачем, да и, по сути, не над кем, – борьба, то явная, то скрытая за то, чей авторитет выше и чье слово является решающим, – борьба эта не утихала.

Главными ее действующими лицами были, естественно, администратор Карский (которому вся предыдущая жизнь, казалось, давала право на главенство в любом обществе и любой обстановке) и путешественник Нарев – хотя бы потому, что всю свою жизнь он стремился никому не подчиняться и, напротив, подчинять себе других – любыми средствами.

К чести обоих претендентов надо сказать, что соперничество их до сих пор не переходило в схватку: оба понимали, что в этих условиях реальное столкновение (а у каждого были свои сторонники) неизбежно привело бы к всеобщей гибели; поэтому противостояние их оставалось чисто моральным, скрытым, как тлеющий под верхним слоем почвы торфяник, внешне же все оставались предельно вежливыми и доброжелательными. Демографический взрыв вообще на время как бы нейтрализовал соперничество, на первое место вышли дети, даже в этом благополучном мире требовавшие забот. И тем не менее огонь честолюбия в людях не погас. Дожидался своего времени.

И нередко ночами, когда дети спали и дневные дела завершались, это самое честолюбие не давало одному-другому спокойно погрузиться в сон. Именно в промежуточном состоянии между сном и явью вдруг всплывают неизвестно с какой глубины подсознания неожиданные, воистину головокружительные – чтобы не сказать гениальные – планы и проекты, от которых сон и вовсе улетает неведомо куда.

Почему, например, не спит Нарев?

Нет, сейчас об этом еще не время.

* * *

А вот Мила – бывшая Еремеева, а ныне жена Нарева и мать его детей – спала. Но – уже не в первый раз – среди ночи пробудилась в слезах. И, шмыгая носом, уткнулась лицом в плечо мужа. Чем на какое-то время отвлекла его от некоего хитрого замысла.

– Что ты, маленькая? Опять?

– Да... – Она всхлипнула. – Ну ничего не могу поделать: он снится...

Он – был Юрик. Маленький мальчик, оставшийся на Земле без отца, без матери. С недавнего времени он начал вдруг – после стольких-то лет – снова сниться матери. Каждую ночь. Но не так, как раньше: не крохотулей, каким был тогда, а таким, каким, наверное, стал сейчас: молодым человеком двадцати с лишним лет. Тем не менее она не то чтобы догадывалась, но точно знала: это он, ее сын. Так бывает только в снах: доказать вроде бы не можешь, но совершенно точно знаешь. Узнавание идет совсем по другим каналам, чем наяву.

– Просто не знаю: может, посоветоваться с Зоей?

«Она же не психиатр», – хотел было сказать Нарев, но благоразумно воздержался. Вслух произнес совсем другое:

– Сны – дело настолько интимное, что вряд ли стоит посвящать в них посторонних. Ты же не станешь рассказывать врачу, как мы с тобой проводим время в постели, а?

Мила невольно засмеялась: действительно, не станет же она... Нарев же воспользовался сменой ее настроения.

– Он снится – значит, с ним все благополучно, – в очередной раз утешил Милу Нарев. – Чего же плакать? Ты радуйся, что хоть и без тебя, но жив-здоров, благополучен, разве не так?

Нарев, в отличие от физика Карачарова, знал, что жена, чтобы быть спокойной, нуждается в постоянном внимании. А если спокойна жена, то и муж чувствует себя вполне безмятежно – особенно в такой вот, лишенной житейских забот, обстановке.

– Спи, моя нежная, спи...

Она послушалась – и уснула. Знала, что вторично в одну ночь Юрик ей не приснится: такого ни разу не случалось.

Когда Мила задышала спокойно, размеренно, Нарев смог снова вернуться к своим идеям. Но теперь уже ненадолго; честолюбие – не отдых, так что сон вскоре добрался и до заботливого мужа.

* * *

Инна же Перлинская, ставшая бы по мужу – Луговая (если бы здесь браки официально регистрировались), еще и не ложилась по-настоящему. Когда штурман крепко уснул, она, как и каждую ночь, поднялась с постели, надела халатик и уселась перед экраном.

Каждую ночь она вот так наблюдала и слушала пустоту – в надежде уловить снова какие-нибудь таинственные сигналы, как это удалось ее мужу однажды – давным-давно. Штурман же, наоборот, уже перестал смотреть и слушать пустоту: решил, что смысла в этом нет никакого, пространство иногда чудит, однако им от этого никакой пользы. Но ведь то, что произошло однажды, может и повториться, не так ли? А что касается пользы, то не сказано, что те сигналы не имели к кораблю никакого отношения. Вовсе не сказано... Она верила – а вера не знает границ, если она подлинна.

День за днем, ночь за ночью, год за годом небо упорно молчало. Но вот на этот раз...

Инна напряглась, подобрала ноги под стул, как красивый хищник, готовый к прыжку. На самом же деле намерения ее были противоположными: ей вдруг захотелось сжаться в комок, спрятаться, совсем исчезнуть... Все потому, что она почувствовала, что на экране что-то есть. Именно – почувствовала.

Потому что оба глаза ее ничего не увидели: экран оставался вроде бы пустым. Но вот третий глаз... Тот самый, что есть у всех – но только редкие способны им воспользоваться. Инна за проведенные здесь годы такую способность в себе выработала.

Так вот, третий глаз ясно дал понять, что экран показывает что-то. Или кого-то. Неопределенное, но несомненное.

Такое ощущение оставалось у нее с полминуты.

А потом и для обычных глаз нашлось занятие. Потому что на экране появилось изображение.

То были всего лишь ломаные линии. Тесные зигзаги. Словно запись каких-то колебаний разной амплитуды и частоты.

Инне осталось лишь протянуть руку и включить запись. Вся эта техника у нее давно была отлажена – именно на такой случай.

О том, чтобы уснуть, жрица пустоты больше и не думала. Сейчас в мыслях ее возникало уже другое: к кому она пойдет утром, чтобы рассказать, показать и, в конце концов, доказать, что они не одни в этой части пространства, что кто-то видит их, а раз видит, то непременно постарается помочь. Ибо всякий разум в основе своей добр и благороден.

В этом последнем предположении она вряд ли была права. Но – как говорится, всяк своему с ума сходит. И уж пусть лучше так, чем наоборот.

* * *

Нет, не шел этой ночью сон. Делай что хочешь – не шел.

А вместо сна накатывало неизвестно что. Какой-то сумасшедший сюжет. При этом – в картинках, не как текст, а ясное изображение. Не книга; скорее фильм. Несмотря на то, что для видеопромышленности Истомин никогда не работал. Сны, однако, порой совершенно не считаются ни с фактами, ни с логикой.

Это был какой-то военный фильм; особенность же его заключалась в том, что война происходила не где-нибудь в пространстве или на планете, а здесь, на корабле. И участвовали в ней все до единого обитатели «Кита». Корабль стал как бы крепостью, на которую кто-то напал извне; кто – так и осталось неясным, потому что ни одного противника Истомин не увидел, хотя знал, да и все знали, что противник этот был тут же рядом, за бортом, и атаковал корабль упорно, стараясь каким-то образом попасть внутрь. До сих пор этому удавалось противостоять, но сил у защищавшихся оставалось все меньше, и они уже несли потери. Хотя писатель не смог бы при всем желании объяснить, при помощи какого оружия велась война и с той, и с другой стороны.

Потом ему – все еще во сне – каким-то необъяснимым образом стало ясно, что противниками были некие существа, обосновавшиеся на Петронии, маленькой искусственной планете, которая вот уже восемнадцать лет обращалась вместе с «Китом» вокруг общего центра тяжести системы и медленно, очень медленно прирастала в размерах. Видимо, новые соседи были весьма агрессивными, и одной лишь планеткой не удовлетворились, а хотели заполучить и весь корабль – для каких-то своих, неведомых людям целей, а возможно, и без всякой цели, просто захватить ради захвата, ради самоутверждения. Так или иначе, война шла, и людям не приходилось рассчитывать ни на чью помощь. Похоже, что судьба их была уже решена.

Местом, где неведомый противник пытался ворваться в корабль, оказался не модуль первого класса, где жило все взрослое население «Кита», а туристический корпус, населенный молодежью. Именно туда были направлены все атаки, и там была наибольшая опасность. Но никто из взрослых почему-то этого не понимал.

Осознав опасность, писатель поспешил в туристический модуль, но где-то по дороге почувствовал вдруг, что все это – лишь сон, ночной кошмар, и что спешить некуда и бояться нечего. Он проснулся.

Истомин, покряхтывая, спустил ноги на пол. Кряхтел он скорее всего по обязанности. Таким уж было его представление о возрасте, которого писатель благополучно достиг; прожитые годы обязывали к определенной модели поведения. Хотя, если откровенно говорить, пресловутого груза минувших лет он на себе не чувствовал. В обычной, открытой жизни груз этот складывается из обязанностей, несогласий, конкуренции, зависти, погони за недостижимым,

от излишней жары или чрезмерного холода, разных инфекций и множества перемен – всего, что старит плоть, а главное – дух. А тут, в коллективном саркофаге (как он давно уже мысленно окрестил бывший корабль), было, в общем, спокойно и комфортабельно. Время вроде бы шло – но старость все не приходила. Да ее и не торопил никто. Может, одиночество в корабельном закулке послужило своего рода консервантом? Если бы еще не снилось всякое – вот такое...

Истомин за минувшие восемнадцать лет придумал книг, наверное, не менее тридцати – из них первые шесть не дописал, а остальных и не начинал даже. Мартышкин труд – кому он нужен?

Работы не было, значит, и ответственности никакой, и соревноваться – то бишь конкурировать – было не в чем. Благодать!

Только вот нормальный сон почему-то не шел. Черт его знает, почему. Но уже и снотворные не помогали, на которые синтезатор был великим мастером. Можно было бы, конечно, изобрести и какой-нибудь составчик поубойнее; но на это Истомин не решался. Ясностью мышления он дорожил, хотя, если разобраться, она и ни к чему вовсе.

Вот эта самая ясность сейчас и подсказала ему, что сон, ненадолго испугавший его нереальным кошмаром, а потом вильнувший хвостом и исчезнувший неизвестно куда – словно рыбка, обнюхавшая наживку и не клюнувшая, умчавшаяся на поиски чего-нибудь повкуснее, – сон этот скорее всего все-таки имел под собой какое-то реальное основание – сколь бы неправдоподобным это ни казалось. В этот сон следовало внимательно взглядеться. Хорошо было бы золотую рыбку сна вернуть. Однако чем ее приманивать – писатель не знал, и думать на эту тему было некогда.

Он точно попал ногами в тапочки. Встал, лениво разгибаясь. Включил малый свет. Натянул халат. По привычке остановился перед зеркалом. Задумчиво разглядывая отражение, ковырнул мизинцем в носу – движение, не контролировавшееся с раннего детства. Нет, ничем он, пожалуй, не отличался от того Истомина, что взошел на борт «Кита» восемнадцать лет тому назад. Может, здесь, у черта на куличках, время и в самом деле текло как-то по-другому, чем в далеких родных местах?

А в общем – какая разница? Кого это волнует?

Он еще поразмышлял: а не заглотать ли и в самом деле еще таблетки три-четыре? Может, сон вернется и можно будет увидеть что-нибудь определенное, понять – кто нападает, зачем, откуда? Поморщился и мысль эту отбросил. Зевнул – с некоторой надеждой. Но тело было легким, и голова тоже, и зевок этот был не ко сну, а просто так.

«Пойти прогуляться, что ли?» – мысленно спросил он сам себя и помедлил, словно ожидая ответа неизвестно от кого.

И тут же вздрогнул и насторожился.

Показалось? Или на самом деле короткая дрожь прошла по кораблю – такая, что даже ковер ее не погасил, и она заставила тело ощутимо сотрястись – пусть и лишь на мгновение-другое?

Это могло быть, конечно, и какой-то физиологией, но не исключено, что и психикой. Кратковременные иллюзии, чаще всего слуховые, изредка возникали тут у каждого, хотя и не все в этом признавались: капитан, например – никогда. Могло быть. Однако...

Часа три тому назад, укладываясь в надежде уснуть, он, как нередко бывало, не потрудился затворить дверь в ванную. И сейчас отсюда ясно видел, как освещенное падавшим из спальни светом явно раскачивалось (с небольшой, правда, амплитудой) мохнатое полотенце. Оно-то ведь иллюзиями не страдало?

Не успел он это осмыслить, как пол вторично дрогнул. И на этом вроде бы закончил свои экзерсисы.

Восемнадцать лет обитания в многосемейном гробу если чему-то и научили Истомина, то прежде прочего тому, что для них – для населения – корабль всегда был – и должен был быть

– совершенно неподвижным. Для них – потому что для воображаемого стороннего наблюдателя «Кит», возможно, и совершал какие-то движения относительно чего-то там, тоже воображаемого, однако этого люди ощущать никак не могли. Он, правда, медленно вращался вокруг продольной оси, получив некоторый момент количества движения, когда от него отчалил ныне покойный Петров с гравигеном в обнимку. А также, уж и совсем неторопливо, обращалась вокруг центра тяжести, общего для системы «Кит» – Петрония, растущая планета. Но люди этого никак не воспринимали – подобно тому, как не замечает вращения своего мира население любой планеты. А все системы, работавшие сейчас в корабле, никаких вибраций такой мощности, как и всегда, не производили.

Так что если сотрясение возникло, то оно могло быть вызвано одной из двух причин.

Либо какая-то из систем дала сбой. И в этом таилась опасность, потому что беда, как известно, не приходит одна.

Либо же молодое поколение затеяло очередной эксперимент, но, в отличие от предшествовавших – выходявший за пределы безопасности.

В любом случае следовало что-то предпринять. Если сбой в системе – будить капитана или хотя бы инженера Рудика. Если молодежь – призвать их к порядку: в конце концов, они и сами зависят от исправности и долголетия корабля ничуть не меньше, чем старая гвардия. А если, наконец, не подтвердится ни одно, ни другое – рассказать всем о своем сне, как о серьезном предупреждении, и призвать готовиться к большим неприятностям.

Истомин решительно затянул пояс халата и направился к выходу.

* * *

Инженер Рудик и в самом деле – один из немногих на корабле – крепко спал. Настолько крепко, что вибрация, которая, по всем статьям, должна была разбудить его, с этим не справилась.

Причиной столь глубокого и – хочется сказать – здорового сна явилась нормальная и очень сильная усталость. Она же, в свою очередь, была вызвана тем, что инженер – единственный, пожалуй, из всех обитателей маленького мирка – все то время, что они находились в неизвестном уголке пространства, утратив всякую связь с породившей их цивилизацией, был занят настоящей, серьезной и необходимой работой. Один. Потому что помощников ему по штату не полагалось – да и не было среди окружавших его людей таких, кто разбирался бы в сложной корабельной технике. Дел же было – да и оставалось еще – выше головы.

* * *

Хроника: от года второго

Инженер всегда считал, что смысл его жизни – во всяком случае, когда он находился на корабле – поддерживать этот корабль со всеми его механизмами и системами в образцовом порядке и полной готовности.

Последние восемнадцать лет своей жизни Рудик находился только на корабле. Значит – восемнадцать лет он занимался этим кораблем, и ничем другим.

А заняться было чем.

Когда судорожные попытки людей вернуться в нормальный мир наконец закончились (пусть и ничем), Рудик некоторое время занимался лишь оценкой состояния «Кита». То, что

он увидел, его не то чтобы огорчило – это слово слишком невыразительно, – но на несколько дней привело в отчаяние. С таким он еще никогда не сталкивался.

Батареи накопителей энергии, необходимые для движения в пространстве, вышли из строя – и, во всяком случае, на первый взгляд восстановлению не подлежали.

Катер был разбит во время предпринятой администратором Карским попытки к бегству – еще там, в Приземелье, – и средством передвижения в пространстве служить никак не мог.

Это означало также, что нельзя было – в случае какой-то надобности – воспользоваться воротами катерного эллинга: они могли действовать, только если катер находился в полной исправности и был готов к старту. Причиной было то, что электроника катера являлась частью цепи, по которой механизмы ворот принимали команды и реализовывали их. При неисправном катере ворота оставались наглухо заблокированными. Как и тогда, когда катер находился в пространстве.

Но если бы еще только эти ворота. На самом же деле корабль – после того, как Инна Перлинская сильно повредила механизм пассажирского люка, и потом им воспользовались в последний раз, чтобы выпустить за борт сыщика Петрова с гравигеном, основой будущей планеты, – корабль ни одним нормальным выходом вовне больше не располагал.

Конечно, сейчас никто покидать его и не собирался; во всяком случае, инженеру об этом ничего известно не было. Но это его не интересовало: главным было, что исправность корабля нарушилась, а чтобы ее восстановить – нужно было содержать в порядке все без исключения; в том числе и все люки.

Кроме уже названных, на корабле имелись еще три выхода: грузовой – из трюмного корпуса, аварийный – из центрального поста и резервный – из туристического модуля.

После всего, что произошло с кораблем, в случае надобности люди не смогли бы воспользоваться ни одним из них.

Аварийным – потому что он был предназначен лишь для срочной эвакуации экипажа в случае, если кораблю угрожала гибель – но лишь при условии, что на борту не было других людей, то есть – пассажиров, и оба жилых модуля – главный и туристический – были отключены от корабельных сетей. Так бывало, когда корабль использовался лишь для перевозки грузов. Если в таком рейсе возникала угроза катастрофы, аварийная спасательная капсула, рассчитанная на пятерых, просто выстреливалась из корабля, и установленный на ней маяк начинал сигнализировать; люди при этом могли рассчитывать только на помощь извне. Иными словами, хоть это устройство и находилось в исправности, выйти в пространство при его помощи было практически невозможно.

Грузовой люк тоже был в исправности. Вернее, не люк; то были ворота весьма внушительных размеров. Но – точно так же, как и в катерном эллинге – ворота эти, а точнее – механизм их открывания мог срабатывать лишь при соблюдении двух условий: либо снаружи должно было существовать давление окружающей среды не ниже определенного, то есть корабль должен был находиться на поверхности обитаемой планеты или же в эллинге такого размера, какими обладали, кроме Земли, еще лишь две планеты Федерации. Или же никакого давления не должно было существовать изнутри; то есть из трюмного корпуса должен был быть выкачан весь воздух. Теоретически это было несложно; однако выкачивание являлось процессом продолжительным, потому что объем трюмного корпуса был громадным, а кроме того – после всех прыжков и других приключений, через которые пришлось пройти кораблю, внутренняя герметичность трюма нарушилась, и пока все внутренние входные и вентиляционные отверстия не обрели былой герметичности, пользоваться трюмными воротами было невозможно даже в случае самой крайней необходимости.

Что же касается запасного выхода из туристического корпуса, то он никак не предназначался для аварийных ситуаций, и мог работать лишь в воздушном пространстве: этим люком

пользовались только для ускорения посадки и высадки пассажиров в местах старта или назначения.

Все это нужно было привести в какой-то порядок. Такую задачу поставил себе инженер Рудик, как только пришел в себя после всего, что произошло с кораблем и его населением. Никто им не командовал, да он и сам ни у кого не спрашивал указаний: что и как делать он знал сам и решал единолично. И пока прочие люди были заняты созданием общества и улаживанием взаимоотношений, пока они образовывали семьи, рожали и воспитывали детей, инженер не покладая рук трудился над приведением корабля в нормальный вид, порой отчаиваясь, но вновь настраиваясь на работу и продолжая свое дело.

В первую очередь он – когда после катастрофы прошел едва год – принялся за ремонт, а вернее – за восстановление катера. Жестянка (так он называл пренебрежительно катерный корпус со всеми его принадлежностями) потребовала полугода трудов, не считая наружной полировки, на которую ушло еще два месяца. Зато на двигатели ушел целый год, а на главное – электронику – целых два. Конечно, все это можно было бы сделать вдесятеро быстрее, если бы в распоряжении инженера имелись готовые запасные части. Их, естественно, не было: ремонты такого рода силами самого корабля никак не предусматривались. Хорошо хоть, что в памяти главного инженерного компьютера имелась большая часть чертежей, так что синтезатору можно было задать нужные программы по изготовлению потребных материалов и деталей. Но работа эта была настолько кропотливой и трудоемкой, что даже мощная аппаратура, какой обладал «Кит», справлялась с нею не быстро. Порой даже на доставку готовой, довольно-таки громоздкой детали от синтезатора в катерный элинг уходила чертова уйма времени, потому что приходилось сперва изобрести и изготовить нужные для такого дела приспособления, и только потом, при их помощи, дотащить деталь и установить на место. Ремонтные роботы умели действовать лишь в пределах установленных программ, а подобные операции (Рудик про себя называл их партизанскими) при настройке ремонтников предусмотрены не были. Одним словом, процесс восстановления катера занял, ни много ни мало, около четырех лет. Но лишь закончив эту работу, инженер Рудик окончательно поверил в себя если не как в чудотворца, то, во всяком случае, как в мастера.

Следующим, на что он посягнул было, явилось самое для него святое; то, что и делало, собственно, корабль средством передвижения: двигатели. То есть не сами двигатели, собственно: с ними-то ничего особенного не произошло, диафрагмы и сейчас сработали бы – если бы дать на них нужную для движения мощность. А батареи. То есть то, что только и могло давать эту нужную мощность.

С батареями все было очень просто, потому что их не было. Не существовало. Вот уже восемнадцать лет. С того дня и часа, когда пришлось катапультировать их в пространство, чтобы предотвратить гибель всего корабля.

От них осталось лишь место и шесть постаментов, от которых батареи были отстрелены и выброшены в пространство, где и догорели. Но сейчас даже попасть на это место, чтобы хоть присесть в печали на один из постаментов и основательно подумать над тем, что можно восстановить практически, что – теоретически, а что и вообще нельзя ни так и ни этак, – даже попасть туда было не в силах инженера. И неудивительно. Когда корабль вышвыривал свои батареи, чтобы уцелеть самому и сохранить людей, створки над ними исправно распахнулись, повинувшись команде; но батареи тогда уже раскалились настолько, что, вылетая и одновременно раскидывая во все стороны обрывки раскаленных или просто пылавших пластин, оплавляли шарниры, так что закрыться створки более не смогли, и помещение, где прежде располагались энергетические батареи, стало частью открытого пространства. Так что о восстановлении батарей сейчас нечего было и думать даже теоретически: до того, как створки снова закроются и во вновь загерметизированное помещение будет дан воздух, думать, собственно, не о чем. Здесь работы на годы – если ее вообще можно выполнить своими силами; а других не было.

Поэтому, как ни грустно было отказываться от сладкой надежды, инженеру пришлось отложить работу по восстановлению батарей и взяться за другое дело, тоже нелегкое и трудоемкое: приведение в порядок всех прочих выходов из корабля. Хотя бы потому, что без возможности покинуть корабль и возвращаться в него столько раз, сколько потребуется, инженер – да и кто угодно другой – не мог бы начать работы по воссозданию батарей; а именно это дело инженер Рудик считал целью своей жизни – сколько бы она еще ни продолжилась.

Работа по ремонту и переоборудованию выходов из корабля оказалась еще более трудоемкой и тягостной, чем восстановление искореженного катера. Для того, например, чтобы сделать пригодным для использования в любое время запасной выход в туристическом модуле, нужно было ни более ни менее как создать на пустом месте тамбур, герметическую выгородку, и оборудовать ее насосами для выкачивания воздуха перед открытием люка и обратной закачки его – после закрытия. Чтобы выполнить эту работу, инженеру пришлось (и на это ушла уйма времени) скопировать каждую деталь соответствующих механизмов главного входа, а поскольку многое там было приведено в негодность во время памятной попытки Инны выброситься за борт, а после того, как главный люк в последний раз использовали для выхода Петрова, его наглухо закрыли и даже заварили, – по этой причине многое инженеру пришлось восстанавливать по памяти и интуиции. В недрах корабельной «Сигмы» хранились, как оказалось, далеко не все конструктивные детали корабля – то есть данные о них, конечно, – а лишь те, ремонт и замена которых разрешалась экипажу в условиях рейса, иными словами – то, что попроще; заложить в память главного компьютера полное описание той же автоматики люков никому не пришло в голову: за все время существования галактического флота никому и никогда не приходилось производить такой ремонт своими силами вдалеке от ремонтной базы. Так что многое инженер едва ли не изобрел заново, до предела напрягая воображение. На это ушла уйма времени и сил. Другая часть работы – доставка изготовленных синтезатором листов металлопласта, из которых Рудик и собирался соорудить тамбур, а затем сварка этих листов – хотя и проводилась при помощи уцелевших роботов (в основном бывших еремеевских футболистов и солдат), требовала немалых физических усилий; тем более что порой необходимой точности не достигалось и приходилось разрезать только что сваренное, заказывать новые листы и делать всю работу заново. Не удивительно, что Рудик стал на несколько лет старше, пока не смог наконец сказать, что запасной выход готов к работе. А ведь это был только первый, так что, передохнув, инженер принялся за такую же работу – но уже применительно к главному люку. Конечно, все можно было бы сделать быстрее, призови Рудик на помощь других обитателей корабля; но этого он не делал и не собирался: и потому, что профессиональная гордость мешала, но главным образом по той причине, что спешить-то ему было некуда, и он это отлично понимал, а работа давала его жизни нужную наполненность: он чувствовал себя при деле, и это помогало ему жить, не думая ни о чем печальном.

И вот восемнадцать лет прошло, и осталось у инженера только одно – зато главное дело: возродить батареи. Крышки люка над уцелевшими постаментами он все-таки привел в порядок: заменил шарниры, проявив при удалении старых и установке новых немалое хитроумие. А вот что касается собственно батарей – инженер вовсе не был уверен в том, что это у него получится. Однако знал, что сделает все, что в его силах, чтобы удалось.

В последние месяцы он заметил, что стал уставать быстрее, чем раньше, и медленнее возвращаться к нормальному самочувствию. Ему даже в голову не пришло, что, быть может, это возраст сказывается – возраст и одиночество. Он решил просто, что перетрутился и нужно побольше отдыхать. Отдыхать в представлении Рудика значило – спать. И он спал подолгу и крепко.

Бытие

Вот почему этой ночью странная вибрация корабля как-то прошла мимо внимания Рудика, что вообще-то не было для инженера характерным.

* * *

Для того, чтобы добраться до туристической палубы, писателю предстояло совершить целое путешествие.

Прежде всего – пересечь трюм, обширный, пустой и гулкий.

Уже вскоре после переселения в каюту суперкарга Истомин обнаружил, что трюм обладал интересным свойством: незагруженное помещение оказалось прекрасным резонатором. Какие-то особенности корабельной архитектуры привели к тому, что звуки, рождавшиеся даже в очень отдаленных – на сотни метров – корпусах и палубах корабля, здесь – и только здесь, в трюме, были прекрасно слышны, четко, хотя и не очень громко. То, что говорилось в каютах, разумеется, сюда не доносилось: звукоизоляция жилых помещений оказалась весьма надежной. Но уже сказанное в салоне первого класса можно было тут услышать, и в туристическом салоне – тоже, хотя и чуть похуже: первый класс располагался ближе к грузовому корпусу.

Поэтому в трюме Истомин на миг остановился, прислушиваясь. Услышь он что-нибудь – легче было бы понять, какая версия более правдоподобна. Иными словами – куда направиться раньше? Энергодвигательный корпус, где находилось большинство систем и где по-прежнему обитал их хозяин – инженер Рудик, и туристический класс, населенный вот уже два года молодыми (этим завершилась тогда их борьба за независимость, неизбежное в свободном обществе противостояние поколений) – оба наиболее вероятных источника опасности находились в противоположных, считая от грузового корпуса, направлениях. Безусловно, о странной вибрации следовало сообщить инженеру. Ну а что касается необычного, приснившегося ему сюжета – там ведь неизвестные напали на туристический модуль, на обиталище детей. И, наверное, нужно было – хотя бы для перестраховки – убедиться, что там, у молодых, все в порядке. Или же – не в порядке.

Он выжидал минуты две. Ничего интересного, однако, не уловил. Один только звук донесся до него за это время: что-то, напоминавшее то ли глубокий, печальный вздох, то ли морскую волну, набежавшую на песчаный пляж и отхлынувшую, тихо шурша. Но уж чего-чего, а моря в пределах досягаемости не было.

Писатель думал недолго. Механизмы не умеют вздыхать. К тому же, с ними находился Рудик. Больше ему деваться просто некуда. Может, он, конечно, спал; но и во сне должен был ощутить вибрацию и проснуться. Он давно уже сросся с механизмами – если не телом, то уж духом во всяком случае. Так представлялось Истому. И зайти туда если и следовало, то разве что для очистки совести. А значит, визит в энергодвигательный корпус можно отложить на потом.

Но вот рядом с молодыми никого не было. Из разумных людей. Способных вовремя остановиться, предупредить, растолковать, усуетить, предотвратить... А ведь он был, как-никак, их другом. Во всяком случае, он единственный не считал, что они не доросли до полноправия в этом мире.

Нет, в первую очередь идти следовало, конечно же, к ним.

Глава 5

Хроника: годы бытия с первого по шестнадцатый

Дети оказались на туристической палубе в результате разрешения сложных государственных проблем.

Вообще-то государство образовалось на «Ките» вскоре после того, как было заложено основание будущей планеты и одновременно родилась Орлана.

Еще до этих событий всем стало ясно, что «Кит», лишенный возможности передвигаться по воле заключенных в нем людей, перестал быть кораблем и превратился в пусть крохотное, но независимое небесное тело, населенное людьми.

То есть налицо имелось человеческое общество. Общество отличается от толпы тем, что оно каким-то образом сознательно организовано. И когда выяснилось, что в обозримом будущем никаких перемен в их положении не будет, люди решили, что самое время им установить определенный порядок. Иными словами – создать власть и законы.

Собственно, создавать законы им не пришлось: у администратора Карского имелась, как и следовало ожидать, запись текстов не только общих законов Федерации, но и кодексы наиболее значительных миров, входивших в нее. Так что оставалось лишь воспользоваться тем, что было в свое время сочинено множеством законодателей. Для официального утверждения такого порядка следовало сделать немного: объявить, что «Кит» является членом Федерации, невзирая на отдаленность от ее миров и невозможность принимать активное участие в ее деятельности. Такое решение было принято и объявлено – самим себе, потому что больше объявлять было некому. Все население «Кита» с того мгновения получало статус Народного Собрания и являлось высшим органом власти.

Следующим шагом в создании государства была организация власти исполнительной, судебной и прочей. Это тоже было сделано, хотя и не без некоторых споров.

Дело в том, что на «Ките» имелся, как известно, профессиональный и высокоподготовленный руководитель – все тот же администратор Карский. И у некоторых членов Народного Собрания возникло мнение: избрать его пожизненным Главой государства.

Мнение, однако же, не было единогласным. Против него возражали Нарев и почти целиком женское население корабля. Прекрасная часть общества почему-то симпатизировала путешественнику и авантюристу куда больше, чем государственному деятелю. Члены корабельного экипажа в тот раз дружно воздержались, как бы давая понять, что в пассажирские дела вмешиваться не станут. Так что пристрастия уравнились: четверо против четырех. Вот почему ни один из наиболее вероятных претендентов не смог прийти к власти.

Карский после этого заявил, что, по его мнению, о пожизненном избрании вообще не может быть и речи. Он объяснил свою позицию тем, что пожизненное избрание, по сути дела, означает установление монархии, он же, как и большинство остальных, воспитан в республиканских принципах. Он предложил и в этом отношении следовать Федеральной Конституции, иными словами – избирать Главу на один год. Кроме того, по мнению администратора, учреждаемый пост лучше назвать так: Верховный Судья-исполнитель. То есть глава и исполнительная, и судебная власти.

Нарев, как и ожидалось, стал возражать – уже по одному тому, что его мнение всегда оказывалось противоположным любому предложению администратора. Он подхватил сказанное Карским относительно монархии и вывернул мысль наизнанку: по его мнению, монархия всегда являлась наиболее устойчивой формой существования общества – в частности, потому, что любая попытка захвата власти в условиях наследственной монархии становилась вне закона. А уж если избирать – то не на год, а хотя бы на четыре, с правом занимать этот пост не более

двух сроков подряд; в дальнейшем человек мог вновь избираться Главой «Кита» не раньше, чем через два срока.

Компромиссное решение нашел Истомин. Он предложил не делать власть ни пожизненной, ни наследственной, но в то же время и не ограничивать ее каким-либо определенным сроком, а менять или не менять Главу государства в зависимости от мнения Народного Собрания, то есть – от того, насколько люди будут или не будут удовлетворены его правлением. Такой выход никого не устраивал до конца, но ничего лучшего не придумалось.

Так и решили. Первым Судьей предложили быть капитану Устюгу. Он, однако, отказался все по той же причине: капитан все еще продолжал считать «Кита» полноценным кораблем, а себя и остальных членов экипажа – как бы стоящими над всеми пассажирскими затеями. Так, во всяком случае, он объяснил *urbi et orbi*¹. Возможно, однако, что подлинная причина была несколько иной. Капитан – как ни стыдно ему было перед самим собой – чем дальше, тем больше верил, что беда, постигшая корабль, а следовательно, прежде всего его самого, была вызвана не стечением неблагоприятных, пусть и не известных никому, природных обстоятельств и закономерностей, но волей каких-то высших сил – тех самых, в которые он прежде ни на грош не верил. Теперь же, хочешь не хочешь, приходилось. Потому что в свой-то капитанский опыт он верил, а опыт этот недвусмысленно заявлял, что по естественным причинам ничего подобного произойти не могло; значит – произошло по сверхъестественным. Возможно, то было наказанием за какие-то не такие деяния. Чьи? Этого капитан не знал, но твердо был убежден, что при всякой аварии, при любой катастрофе, которую терпит корабль, больше всего страдает капитан: он теряет то же, что и все остальные – плюс еще свою репутацию. Значит, вина лежала на нем. Как же он мог, зная это, возглавить маленькое человечество, пусть даже чисто формально? Совесть ему не позволяла.

Тогда, несколько обиженные и рассерженные капитанской позицией, люди предложили высший пост в государстве не кому иному, как Зое – врачу и капитанской жене.

Капитан внешне на это никак не откликнулся, Зоя же согласилась без раздумий.

В первые годы ее правление шло без особых происшествий. Механизмы жизнеобеспечения работали: они получали необходимую энергию не от ходовых, в свое время выброшенных за борт батарей, а от малого энергетического блока, сохранившегося в целости. Дети росли, но еще не выросли настолько, чтобы вмешиваться во взрослые дела, старшие же по-прежнему верили, что своими глазами увидят Новую планету – созданный ими для себя мир. Зое, может, не очень легко было бы привыкать к командной должности; однако командовать оказалось, по сути, незачем, так что ее жизнь если и осложнилась, то совсем ненамного.

Тем не менее после одиннадцати лет пребывания во власти она попросила дать ей отдохнуть, хотя бы на время. Поэтому с двенадцатого по шестнадцатый год предложили было баллотироваться Истомину, но он отказался. Хотя ему и пытались доказать, что в истории Земли и всей Федерации не так уж мало было правителей, вышедших из писателей, актеров и даже музыкантов. Истомин заявил, что по натуре он – человек-одиночка и возглавлять общество никак не в состоянии, что же касается самого звания Судьи, то такая функция ему еще более чужда, поскольку он, как писатель, понимает мотивы, движущие любым человеком при совершении любого поступка, а всякий мотив для данного человека является естественным, так что осуждать даже дурной поступок писатель никак не в состоянии, а может лишь объяснить его, не более. Оставалось только развести руками.

Зато неожиданно выдвинул свою кандидатуру физик Карачаров. Но его кандидатуру не захотел поддержать никто. Хотя и много лет уже прошло, целых двенадцать, ему, видимо, еще не простили давнего разочарования: павшим кумирам бывает очень трудно во второй раз взбираться на пьедестал. И – скорее всего в пику физику – снова подступили к капитану. В конце

---

¹ Городу и миру (*лат.*).

концов, за столько времени он мог бы уже понять, что капитанство его – дело прошлое и невозвратное, и пора почувствовать себя нормальным гражданином маленького государства. Иначе те граждане, что некогда именовались пассажирами, подсознательно ощущали себя какими-то второсортными. Устюг же снова отказался наотрез по причинам, которые никому, кроме него самого, так и не стали известными – во всяком случае, до сих пор. Принято было думать, что капитан, как никто иной, чувствовал, вероятно, свое бессилие в единоборстве со стихией и не считал себя вправе вести людей куда бы то ни было. С этим трудно было согласиться: ведь и никто другой не мог привести никого и никуда, и единственным лозунгом жизни на «Ките» было – терпение и еще раз терпение. Капитан, однако, имел право на собственное мнение, как и любой гражданин крохотной страны. Так, во всяком случае, всем казалось: любой гражданин имел право. (Как через некоторое время выяснилось – вопрос оказался куда сложнее, чем выглядел с первого взгляда.)

Так что Зоина отставка не состоялась, и она благополучно осталась на своем государственном посту. Кажется, это ее не очень огорчило: похоже, она просила о переизбрании главным образом для сохранения приличий.

За последовавшие вслед за тем четыре года ничего не случилось не только страшного, но и вообще заслуживающего упоминания. Казалось, общество уравнилось, и даже постоянное подспудное противостояние Карского и Нарева проявлялось все реже и реже. Неожиданности начались, когда наступил семнадцатый год автономного существования человечества «Кита».

Как-то незаметно подросли дети. И (как снег на голову!) потребовали переизбрания Зои. Мало того: выдвинули кандидатуру Орланы в Верховные Судьи-исполнители. Орлане стукнуло шестнадцать, и она была признанным вожаком нового поколения.

Сначала это вызвало лишь улыбки. Дети решили поиграть во взрослых. Им разъяснили, что они – дети – не пользуются еще избирательным правом, даже пассивным, не говоря уже об активном: о праве быть избранным куда бы то ни было.

Дети же позволили себе с этим не согласиться.

Вероятно, основной причиной столь ранней самостоятельности послужило то, что дети – народ всегда понятливый – достаточно быстро сообразили, что здесь от родителей ничего не зависит: ни благополучие, ни безопасность. А следовательно, у них нет и никакой власти. К тому же родители были скучными практиками. Детям же – до поры до времени – ближе всего романтика. У каждой эпохи она своя, а тут могла, по обстановке, проявиться лишь в одной форме: компьютерной. Молодежь рано забросила обычные электронные игрушки и перешла на нормальные компьютеры – начиная со второго поколения, они и заказывали, и собирали их сами. Взрослые только пожимали плечами: сами они данной техникой пользовались, как и любым бытовым прибором, только когда возникала потребность, острый интерес к этим машинам у людей по всей Федерации давно уже угас; а вот у молодежи «Кита» почему-то вспыхнул с новой силой. Взрослым это не казалось опасным.

Попытки учредить что-то вроде школы, чтобы дать потомству так называемое систематическое образование, окончились ничем: не очень понятно было, какой должна быть эта система, чему надо учить и чему не следует или не стоит. Успели научить читать, писать и загружать компьютер, а также погружаться в скафандры и даже управлять катером – на всякий случай; остальное же пошло уже как-то само собой. Понятно, раз нет школы – не будет и диплома; только кому и на кой черт эти дипломы здесь нужны?

И вот дети взяли да заявили, что являются большинством населения «Кита», что прекрасно разбираются во всем, что относится к жизни этого мирка, играют в нем не меньшую роль, чем взрослые, и не потерпят применения к себе тех законов, которые, может, и справедливы в краях, где взрослые что-то определяют, где существует политика, экономика, производство и тому подобное – но совершенно не должны применяться здесь, в мире абсолютного

равенства, где никто из людей ничего не производит, не торгует, не защищает – и так далее. И опровергнуть их позицию, убедить детей в ее неправильности так и не удалось.

Поэтому им отказали без всяких объяснений. Просто потому, что взрослые морально не были готовы к такому повороту событий, при котором они переставали быть большинством.

В ответ новое поколение заявило, что выражает недоверие не только Зое, как Судье, но и всему поколению родителей. И не только выразили недоверие, но и обосновали его. Даже математически.

С цифрами в руках они доказали, что весь замысел создания новой планеты, а вместе с нею – и нового, радужного будущего для потомства является совершенно некорректным. При имеющейся мощности гравигена и энергетических ресурсах «Кита» создание планеты, даже крохотной планетки, на которой можно было бы хоть как-то жить, требовало значительно больше времени, чем (по существующим воззрениям) суждено было просуществовать – во всяком случае, в современной его форме. На практике же Петрония росла еще куда медленнее, чем было рассчитано Карачаровым. Дети обвинили родителей в том, что те просто-напросто обманывали: возможно, и самих себя, но уж детей – во всяком случае. И тем самым лишили себя права возглавлять что-либо и призывать к чему бы то ни было.

Взрослые потребовали опровержения от Карачарова: замысел-то принадлежал именно ему, и его обоснование – тоже. Физик начал пересчитывать с большой неохотой, а потом и вовсе бросил и откровенно заявил, что так оно и есть, и он знал это с самого начала, что же касается обнаруженных тогда расчетов, то он намеренно искажил их, поскольку того требовала обстановка. А о слишком медленном даже для истинных расчетов росте планеты ответил, что и понятия об этом не имеет. Тогда это так и было.

– Иначе вы все пострелялись бы, – заявил он. – А так – вот, живете...

Возможно, он выразил свои мысли именно в такой форме потому, что обижался за недоверие ему, выразившееся в избрании.

Заявление физика вызвало среди взрослых растерянность. И, конечно, чувство горькой досады. Физик снова удалился в свою каюту и продолжил заниматься своими гипотезами и расчетами: он хотел все-таки докопаться до корней происшедшей с ними беды. Видимо, где-то в подсознании у него еще тлела надежда оказаться в конце концов спасителем всех этих людей и таким образом пристыдить их. Не говоря уже о том, что из заочной битвы с коллегой Хиндом, тоже, как известно, физиком, и не из последних, Карачаров надеялся, нет, не то слово – просто-таки жаждал выйти победителем в глазах всего научного мира.

Люди же, которых он все еще собирался спасти, лишившись возможности высказать ему все то, что хотели, обратили свое негодование – на кого же? На детей, разумеется, – потому, что это ведь их поведение привело к столь печальным открытиям. Детям, под горячую руку, отказали во всем на свете – и на все времена.

Убедившись, что их не поняли и не признали, дети объявили, что создают на территории «Кита» свое государство. И (должно быть, в пику взрослым) избрали не Судью, а Королеву, ту же Орлану, естественно.

Вот как и вот почему произошло разделение и размежевание.

Дети переселились все разом, большие и малые. Сначала они раскинули свой лагерь в саду, заявив заодно свои права и на бассейн. Спали под деревьями и купались. Но уже месяца через три такая романтика им приелась, они принялись искать более комфортабельное жилье. Такое могло быть только одно. И теперь уже два года туристический модуль, где они сначала потеснили, потом же (так получилось) и совсем выжили Истомина, сами того не желая, – модуль этот находился в полном и безраздельном владении молодых.

Когда новое поколение отпочковалось от родителей, переселилось, провозгласило себя отдельным государством и избрало Королеву, взрослые, как ни странно, не стали противиться: видимо, почувствовали, что изрядно перегнули палку. Ведь дети в чрезмерном хулиганстве

не замечались, с родительским поколением общались чем дальше, тем реже – может, просто потому, что общих тем становилось все меньше. Так что волноваться особенно не приходилось: детвора оставалась тут же, под рукой, и в случае чего – если вдруг понадобится – можно было и силу употребить, и вернуть беглецов в лоно семьи. Хотя как это будет выглядеть в реальности, никто всерьез не задумывался. Да и поводов не возникало. Патриархи ограничились напутствием: если возникнут неясности – приходите и спрашивайте, не стесняйтесь. Их и спросили – где-то через полгода после отселения: как будничное тело взаимодействует с нейтрино? Какое – «будничное»? А с чем его едят? К физике такое вроде бы не относилось, может, к медицине – но Зоя была очень занята, потому что у Милы после эмиграции Валентинов в турмодуль нервы снова пошли вразнос (она попыталась было последовать за детьми, но была категорически отвергнута), и доктору стало не до детей – и своих в том числе, – поскольку они явно были здоровы. На всякий случай попросили консультацию у капитана; он лишь пожал плечами: тела эти явно не были астрономическими. Ответ последовал, естественно, на уровне «Ээ-мм – мм-ээ». Больше вопросов молодые не задавали.

Зоя, продолжавшая исполнять обязанности Судьи, сперва несколько растерялась и даже хотела снова подать в отставку: видно, не была до конца уверена, что с молодыми обошлись правильно. Как-никак, и ее детей там находилось теперь уже трое. Тем более что кое-кто – и ее супруг, капитан Устюг в том числе – заговорили о том, что все-таки не худо было бы применить к детям и силу, чтобы сохранить единство общества.

Урезонил «ястребов» Карский, поинтересовавшийся: а какой, собственно, силой кто располагает?

Прикинув реальные возможности, пришлось признать: подросшие, здоровые и крепкие мальчики и девочки могли не только оказать серьезное сопротивление, но и, чего доброго, одержать верх. Что было бы уж и вовсе никуда.

Осталось лишь – признать такую действительность, какая сложилась. То есть – если не согласиться с молодыми, то, во всяком случае, вслух не возражать.

На этом и примирились.

Государства – республика и Королевство – друг с другом не воевали. Но отношения между ними сложились достаточно прохладные. Была надежда, что все наладится, когда дети повзрослеют. Однако для этого требовалось время, которое шло со своей обычной скоростью – никак не быстрее.

Возможно, тут не лишним будет заметить, что в ту пору ни взрослые, ни дети не понимали еще, что не в разнице возрастов и темпераментов заключалась главная причина несогласий, а совсем в другом: в отношении к миру.

Старшие хранили память о большом мире, в котором родились, жили и из которого были, помимо желания, исторгнуты; маленький мир «Кита» являлся для них лишь местом временного пребывания – если бы даже эта «временность» оказалась постоянной. И потому всерьез размышлять об этом мирке и своем месте в нем никто из взрослых не собирался: он был в их восприятии всего лишь частью – пусть изолированной – большой цивилизации людей, составной частью ее техники, не хранившей в себе никаких изначальных тайн, но с начала до конца придуманной и созданной людьми в соответствии с известными законами природы и технологии.

Что же касается молодого поколения, то для них «Кит», в котором они появились на свет и теперь жили, был не частицей какого-то другого, намного более обширного и сложного мира, но величиной самостоятельной, независимо от условий и причин его возникновения. Он был для молодых явлением такого же ранга, как любое небесное тело, светило, туманность... И поэтому нуждался не только в изучении, но и в осмыслении, в установлении его места в системе мироздания, которая представлялась им не совсем такой, как взрослым, именно потому, что в их восприятии столь существенный элемент, как обширная людская цивилизация, промежу-

точное звено между «Китом» и галактиками, просто не существовал, как реальность, которую следовало принимать во внимание.

Иными словами: если для взрослых то пространство, в которое они оказались заброшенными, было лишь своего рода местом ссылки, то молодыми оно воспринималось как естественное место обитания – вместе со всеми его странностями и особенностями, которых они пусть и не знали еще, но об их существовании интуитивно догадывались.

То есть даже времени будет, надо полагать, не так легко сгладить эти противоречия.

Впрочем – это так, к слову...

Глава 6

Земля

На Земле, как и вообще в Федерации, дела между тем шли своим чередом. Годы и там протекли, хотя, может, по земному счету ускользнуло их несколько больше, чем по календарю «Кита». Старая планета ни разу не разгонялась до релятивистских скоростей, как это происходило с кораблем, так что время на ней не замедлялось; поэтому у человечества лет утекло больше: двадцать два с какими-то еще месяцами. То есть – вполне достаточно для того, чтобы память об исчезнувшем корабле и его немногочисленном населении перестала причинять острую боль.

Такое событие, естественно, не могло пройти совершенно бесследно. Сразу же после печальных проводов «Кита» в никуда правительство Федерации своим распоряжением приостановило все рейсы между системами, входившими в эту политико-экономическую систему. «Вплоть до выяснения причин и принятия мер по предотвращению подобных происшествий», – гласило распоряжение.

Всем, однако, с самого начала было ясно, что этот документ – лишь демонстративный жест правительства, предназначенный для того, чтобы показать, что оно все знает, все понимает и обо всем заботится. И не более, чем жест. Потому что все, хоть немного интересовавшиеся проблемой, отлично понимали, что причины гибели «Кита» если и найдут, то далеко не сразу, для этого потребуются, самое малое, годы, а то и десятилетия; а пока не известны причины, то и никаких мер принимать нельзя, поскольку непонятно, в чем же они должны заключаться. Правительство, разумеется, создало чрезвычайную комиссию – и на том сочло вопрос закрытым. Потому что даже самому мелкому клерку любого министерства было совершенно ясно, что Федерация существует и может существовать только при условии регулярных и частых рейсов торговых (и не только торговых) кораблей; прекратись они более чем на две недели – и Федерация начнет распадаться на отдельные острова, которые уже ничто больше не будет объединять. Стремление же к самостоятельности никогда не угасает даже в самой крохотной территориальной единице, и чем менее оно экономически и политически обосновано, тем жарче горят его угли под более или менее толстым слоем золы.

Так что, невзирая на то, что правительственное распоряжение формально так никогда и не было отменено, уже через двенадцать дней после ухода «Кита» первый корабль крупной торговой компании стартовал с Ливии в систему Самнии и благополучно прибыл к месту назначения, после чего вся транспортная система сразу же возобновила свою деятельность. Хотя и за неполные две недели простоя многие фирмы успели понести ощутимые убытки, ни торговцы, ни транспортники не стали высказывать свои претензии правительству; они просто сделали вид, что ни о каком распоряжении ничего не знают, правительство же, в свою очередь, наблюдая за порядком в космосе, прикладывало, подобно легендарному адмиралу Нельсону, подозрную трубу к незрячему глазу – и, естественно, ничего не замечало.

Иными словами, для Земли все вроде бы обошлось без особых происшествий.

* * *

Однако, к сожалению, не для всех

Нет, доктор Функ, невзирая на весьма почтенный вроде бы возраст, до сих пор не только жив-здоров, но и активен так, что молодому впору. И среди проблем, все еще интересующих

его, вопрос установления связи с давно исчезнувшим «Китом» занимает далеко не последнее место.

Правда, поиски решения в традиционных направлениях никаких благоприятных результатов до сих пор не дали. Нигде в пространстве следы «Кита», не говоря уже о нем самом, так и не были обнаружены. Вывод напрашивался сам собой: корабля более не существует; или же – для любителей изящных формулировок – он если и существует, то нигде.

Другой, быть может, на этом успокоился бы и почел свою задачу выполненной, поскольку, как известно, далеко не все благие намерения приводят к желаемому результату.

Функ же отступать не хотел, потому что к ретирадам не привык. К тому же чувство вины в том, что в свое время так и не смог оказать терпевшему небывалое бедствие кораблю какой-то реальной помощи, не оставляло его в покое. Хотя никому и в голову не приходило обвинить его хоть в чем-то, в самой малости.

Он просто, убедившись в бесперспективности лобовой атаки, двинулся обходным путем. И надеялся таким способом добиться успеха.

Тем более что буквально только что ему удалось обнаружить странное явление: вопреки всеобщей уверенности в изотропности пространства, то есть в отсутствии в нем предпочтительных направлений, Функ при помощи своей аппаратуры нащупал нечто невероятное: в определенном направлении сигналы его устройств поиска и связи проходили, не угасая, значительно дальше, чем во всех остальных. В пространстве существовал как бы канал связи.

Связи с кем? Ответа он не знал. Но начал упорно исследовать это направление. Без всяких гарантий. Однако лучше искать где-то, чем вообще не искать нигде. Под этим с радостью подпишется любой суфий, а они – не самые глупые из людей.

Впрочем, был факт, который придавал Функу определенную уверенность.

Он заключался вот в чем: глубокой ночью, ощутив нередкий теперь прилив усталости, Функ уснул прямо во время работы, сидя перед настроенным на канал передатчиком, который он просто не успел выключить.

И увидел странный сон: он оказался внутри корабля, о котором твердо знал, что это – «Кит», и о чем-то разговаривал там с человеком, о котором знал, что это – инженер Рудик.

Проснувшись, он сразу же загрузил в компьютер файл с портретами всех людей, находившихся на борту корабля во время того злополучного рейса, – и убедился, что видел действительно инженера и никого другого.

Это давало основания надеяться, что корабль находится именно в том направлении, куда уходил – или откуда приходил канал.

Нужно было работать, работать...

Так что с доктором Функом все в порядке.

Чего никак нельзя сказать о другом физике – докторе Хинде. Том самом, с которым все еще мысленно спорил Карачаров и который, в свою очередь, ничего другого не хотел с такой силой, как столкнуться с оппонентом лицом к лицу и разорвать его в клочья (не в буквальном смысле, разумеется) со всеми его гипотезами.

Однако ему это не было суждено. Такого торжества его карма не включала.

Можно, конечно, сказать, что ему просто не повезло. Он возвращался из своего института домой, его гравикар находился в пятом, скоростном эшелоне, то есть – на высоте примерно трехсот метров над поверхностью земли, когда антиграв замкнуло, и это полезное устройство сразу же перестало держать машину в воздухе. Лишнее подтверждение того, что любая, даже самая надежная техника подвержена непредсказуемым поломкам и отказам.

Гравикар доктора Хинда начал падать или, как еще говорят, посыпался вниз в полном соответствии с законом тяготения.

Нельзя сказать, что такие случаи не были предусмотрены: как только машина перешла в свободное падение, сработало спасательное устройство: колпак кабины отскочил, кресло вме-

сте с Хиндом было выстрелено вверх, и одновременно включился собственный антиграв этого кресла.

Если бы доктор Хинд, находясь в машине, вел себя так, как полагается человеку, управляющему движущимся механизмом, то скорее всего он отделался бы легким, в крайнем случае – средним испугом и без особых усилий посадил бы свое кресло на первую же крышу. Креслом нужно было внимательно управлять с первой же секунды после катапультирования. При всем желании встроить в кресло еще и автопилот просто невозможно, тут уже все зависит от водителя. Однако в гравикаре автопилот был; и Хинд, едва тронувшись с институтского гравидрома, доверил машину компьютеру, сам же с головой погрузился в мысли о последнем эксперименте с инверсией вещества; в последнее время физика больше всего интересовала возможность устранения парного взрыва – а вернее, перевода этого взрыва в сопространство, чтобы эффект можно было использовать без малейшей угрозы для какого-либо космического тела в пространстве нормальном. Лишь после этого, считал он, можно будет опубликовать сообщение о достигнутых результатах, а также (Хинду не были чужды и соображения чисто практические) зарегистрировать открытие и запатентовать разработанные в ходе опытов (и, по слухам, существовавшие уже и в рабочем варианте) конструкции. Доктор Хинд отличался в вопросах публикации чрезвычайной щепетильностью и никогда не позволял себе даже намекнуть на сущность любой своей работы до того, как им, фигурально выражаясь, не была пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата. Сейчас, по его ощущению, до этого оставалось – всего ничего.

Итак, он основательно задумался – хотя, может, не совсем на эту тему; и когда произошла авария и его вместе с креслом вышвырнуло из кабины, ему понадобилось несколько секунд – три или четыре, – чтобы из отвлеченного пространства физических понятий вернуться в реальный мир, в котором он вдруг очутился в воздухе и падал, правда, быстро замедляясь. Если бы все происходило не в оживленных городских эшелонах, или хотя бы не в вечерний пик, то, возможно, и обошлось бы. Но был именно час пик, эшелоны были плотно загружены всяческим транспортом; и, видно, именно трех-четырёх секунд физика и не хватило для того, чтобы, начав управлять креслом (маневренность которого была по необходимости весьма ограниченной), хотя бы удержаться в своем эшелоне и избрать наиболее безопасное направление снижения. Когда он почувствовал, что кресло подчиняется ему, было уже слишком поздно: сверху он ворвался в нижерасположенный четвертый эшелон и оказался прямо перед громоздким аграбусом – метрах в двух-трех. Предотвратить смертельное для физика столкновение теперь не смогло бы даже и чудо – да его и все равно не произошло.

Хинда пытались, конечно, сохранить для жизни – как, впрочем, и любого другого на его месте. Но столкновение и падение с высоты, да притом еще удар креслом, оказавшимся сверху, буквально растерли человека по грунту. Ни реконструктивная хирургия, ни регенеративная ничего не смогли поделать. Оставалось лишь похоронить физика – что и было сделано за счет института.

В числе неизбежных в подобных случаях печальных формальностей было и создание комиссии по научному наследию доктора Хинда. Состояло оно наполовину из чиновников, на другую – из специалистов. В числе последних находился и еще один из крупнейших физиков этих времен, а именно – профессор, доктор и многократный лауреат Авиگار Бромли.

Отложив свои дела, Бромли приехал в Лабораторию Нетрадиционных методик (так именовалось научное учреждение, которое создал и возглавлял покойный доктор Хинд) и погрузился в изучение оставленных погибшим физиком материалов, о которых, как и все прочие коллеги, до той поры знал крайне мало.

И чем больше Бромли в них разбирался...

* * *

Впрочем, большинству землян не было, в общем, никакого дела ни до покойного Хинда, ни до проблем, которыми он занимался последние годы своей плодотворной жизни. Но, хотя глубоко заинтересованных его наследием было весьма мало, все же Бромли оказался не единственным.

Еще одним специалистом, которого, помимо естественной скорби о погибшем, донимало еще и великое любопытство, касавшееся разработок покойного, был все тот же неутомный профессор доктор Функ.

Он был одним из немногих коллег, с которыми Хинд поддерживал более или менее регулярную связь. Поэтому, невзирая на обычную сдержанность Хинда во всем, что касалось его работ, Функ был в курсе хотя бы основных его направлений – в самых общих чертах, разумеется.

Авигар Бромли, кстати, к числу этих коллег не относился и с Хиндом даже не был по-настоящему знаком; встречались несколько раз на конференциях, но ни разу даже не поговорили. Так: здравствуй – прощай, и все.

Вряд ли нужно пояснять, что если уж Бромли оказался включенным в комиссию по наследию, то Функ был первым, чье имя назвали, когда принялись эту комиссию создавать.

Возраст доктора Функа, по его убеждению, не позволял ему хоть ненадолго откладывать дела, выполнить которые он считал необходимым. Вот почему, едва успев получить свой экземпляр копий всей оставшейся после Хинда документации, Функ немедленно засел за ее изучение.

Он точно так же, как и Бромли, – но несколько раньше – понял, каким было главное направление и разработок, и проектов, которыми в последние годы занимался Хинд. Но, кроме этого, он – в отличие от своего коллеги – сразу же уяснил для себя и другое: работы погибшего Хинда теперь могли помочь ему перевести идею поиска и спасения давно исчезнувшего «Кита» из умозрительной в чисто практическую область.

Функу стало ясно, что пропавший корабль можно вернуть. Для этого нужно только найти его и связаться с его обитателями.

Если они, конечно, еще живы.

Связь, в первую очередь нужна связь.

Ну и, кроме того, средства. И достаточно немалые.

Проблему связи Функ надеялся решить сам.

Что же касается денег – в этом могло помочь только открытое обращение к обществу.

И это тоже, по-видимому, предстояло сделать ему самому.

Функ привычно посетовал про себя: вот всегда такие масштабные задачи возникают не ко времени! Если бы Хинд пришел к своим результатам лет двадцать... ну, пусть даже пятнадцать тому назад, когда он, Функ, был еще совершенно молод!..

Впрочем, судя по его дневникам, Хинд уже и двадцать, а то и больше лет тому назад этой тематикой занимался. Но записи были крайне невразумительны – писалось для самого себя, то есть намеками, – а строгих доказательств Функ не обнаружил ни в одном файле.

Да, всегда не хватает каких-то пятнадцати-двадцати лет. Прямо беда.

Что делать!.. Выход только один: действовать побыстрее.

И он действительно сразу же принялся за дело.

* * *

Может, идеи Хинда, только что осмысленные, чрезмерно взволновали старого физика; возможно, и какие-то другие причины сыграли свою роль, – так или иначе, предпринятая сразу

же первая попытка установить связь с «Китом» тем способом, который был разработан Функом и представлялся ему единственным, обещающим нужные результаты, – попытка эта оказалась неудачной: посланную информацию никто на корабле так и не принял. Хотя Функ и ушел в глубокую медитацию, ни увидеть, ни иным способом воспринять что-либо ему не удалось. Невзирая на то, что столь неожиданно обнаруженный им канал беспрепятственного прохождения информации до сих пор, похоже, все еще действовал.

Неудача расстроила старика; он, конечно, огорчился бы еще больше, если бы рассчитывал на мгновенный успех, – однако немалый опыт заранее подсказывал, что неудач в этом тонком деле неизбежно окажется значительно больше, чем достижений. Это ведь не по телефону соединиться...

Тем не менее разочарование оказалось более глубоким, чем он ожидал. Здравый смысл подсказал ему, что не следует пытаться снова и снова: на каждый вызов уходило немало сил, и чем дальше, тем больше требовалось времени, чтобы их восстановить. А ведь даже и тогда, когда сил хватало, никто бы не мог гарантировать удачного результата.

Не мог – потому что связь, которой он пользовался, чтобы установить обмен с «Китом», не была инструментальной; она действовала не по принципу «аппарат – аппарат», а совершенно иным образом: «человек – человек». То есть и приемником, и передатчиком сигналов здесь могли быть только люди, у которых необходимые для этого способности были бы развиты должным образом. Таким способом общения люди пользовались всегда – но лишь очень немногие, большинство же либо и не подозревало о его возможности, либо что-то слышали – но не верили, а потому и не могли. Хотя нужные для такого общения свойства – пусть и в зародышевом состоянии – заложены в каждом.

За последние годы Функу удалось, серьезно занимаясь, не только научиться использовать эти свойства, но даже и подвести под них некоторую физическую базу – просто потому, что это было необходимо ему для полной уверенности в реальности и надежности «прямой связи», как он называл это про себя.

Однако в любом способе связи, кроме передатчика, нужен еще и приемник – то есть человек, не только обладающий нужными способностями, но и желающий и хоть кое-как умеющий ими пользоваться. Для установления надежного общения Функу надо было, чтобы хоть один человек, отвечающий этим условиям, находился среди пленников «Кита» (именно пленниками, по его представлению, являлись люди, унесенные кораблем в неизвестность). Если сейчас он посылал свои сигналы практически наугад и ответа на них не получал (хотя и чувствовал, что они дошли до какого-то адресата), то, определив точно, кто на корабле наиболее продуктивный партнер, Функ смог бы связываться с этим человеком уже более или менее регулярно. А без этого весь его проект оказался бы только лишним сотрясением воздуха.

Еще только собираясь приступить к своим экспериментам, Функ предусмотрительно запасся списком всех, кто находился на борту в том злополучном рейсе. Далее, ему удалось собрать все – или почти все существовавшие в Федерации сведения об этих людях: родословную, биографию, данные о карьере, увлечениях, результаты медицинских обследований – одним словом, все, что могло бы ему пригодиться. Немало времени ушло на анализ этих данных – чтобы с наибольшей вероятностью определить человека, который мог бы оказаться необходимым ему партнером.

Больше всего сведений было об администраторе Карском, что совершенно естественно; самая скудная информация имела о жене футболиста Еремеева: она, если не считать непродолжительного времени, когда девушкой, еще до замужества, увлекалась (да и то любительски) оформлением жилых интерьеров, более не занималась никакой деятельностью, кроме семейной жизни, – и потому данные о ней никого всерьез не интересовали. Исчерпывающие сведения, прежде всего по медицинской и психической линиям, имелись также о членах экипажа. Очень немного было о некоем Нареве (информация о нем была главным образом отрицатель-

ной) и о полицейском инспекторе Петрове. Хотя, что касалось этого человека, то Функ предполагал, что данных о нем было предостаточно, однако служба, к которой он относился, никогда не стремилась делиться имеющимися у нее сведениями с кем бы то ни было.

Проведенные Функом анализы данных оказались столь же неутешительными, сколь были тщательными; выяснилось (с девяностошестипроцентной вероятностью), что никто из интересовавших физика людей эзотерикой никогда не занимался ни профессионально (что было заранее ясно), ни как увлечением (на что Функ, откровенно говоря, рассчитывал). Результаты обязательного регулярного психического тестирования имелись только на Карского и членов экипажа; таким образом, выбирать, по сути, можно было только из них. Произведя необходимую обработку данных, Функ только покачал головой: выяснилось, что наименее инертной психика была не у Карского (на что физик втихомолку надеялся), и даже не у капитана, но у корабельного инженера – иными словами, у человека, которого люди вообще должны были интересоваться менее, чем кого угодно другого. Но не доверять выводам не было оснований – потому бортиженер Рудик и оказался тем возможным партнером, которого Функ увидел во сне. После этого физик попытался вызвать инженера на связь. Инженер послание получил, это физик знал достоверно. Ответа, однако, не последовало, а другие попытки вообще результатов не дали. Это можно было объяснить двумя способами: либо инженер не желал устанавливать связь, потому что не верил во все эти материи, либо же – какие-то другие мотивы оказались в это время в его психике настолько преобладающими, что на долю Функа не оставалось уже ничего.

Возможно, речь шла о какой-то опасности, грозившей лично инженеру, а возможно, и всему кораблю. Не получая никаких ответов, Функ не мог решить, что именно тут играло роль; но вероятная угроза кораблю, внешняя, от сил природы, или внутренняя, исходившая от самих же людей, так или иначе заставляла физика торопиться с решением задачи, которую он сам же перед собой и поставил.

В поисках способа ускорить решение Функ пришел к выводу, на первый взгляд казавшемуся парадоксальным: если он, будучи передатчиком, не мог найти на «Ките» подходящий приемник, то не следовало ли поступать от противного, а именно – искать такой передатчик, который наилучшим образом соответствовал бы имевшимся на борту корабля приемникам – какому-то из них?

Таким передатчиком – в наилучшем варианте – мог бы стать человек, у которого настройка на приемные свойства кого-то из китян была бы не выработанной, а изначальной, заложенной от рождения, или, на худой конец, выработавшейся за долгое время совместной жизни. Наибольшим образом таким требованиям соответствовали бы родители, дети или, на худой конец, супруги запертых в «Ките» людей. Надо было браться за их поиски. Благо – все, или почти все данные о семьях узников «Кита» у физика уже имелись.

С новой надеждой он взялся за поиски.

Но и тут судьба не желала улыбаться ему.

Оказалось, что у всех членов экипажа своих семей не было. Лишь у штурмана имелись родители – очень далеко, на окраине Федерации, в маленькой системе Трады. Даже если бы можно было послать за ними специальный корабль, они достигли бы Земли лишь через два с лишним месяца. Таким временем Функ не располагал. Да и кораблем, кстати сказать, тоже. Кроме того, возраст родителей не позволял надеяться, что одного или другого из них удастся подготовить в приемлемый срок или вообще не подготовить. Пришлось сбросить их со счетов. Родители Рудика – очень позднего, как оказалось, ребенка – скончались в преклонном возрасте, у капитана, который происходил из династии галактических пилотов, родители погибли вместе во время испытательного полета, когда ему было девять лет. Родительский дом бортипроводницы Веры находился на Анторе, там, кроме родителей, жили ее многочисленные братья и сестры. Связаться с ними удалось не без труда: обитали эти люди в бескрайней анториан-

ской степи, вдалеке от крупных узлов связи; когда же Функ смог наконец переговорить с ними, единственным, что он услышал, было: «Я сто раз ей говорила – нечего идти на корабли. Земля ей, видишь, понадобилась – как будто здесь плохо!» Сотрудничать они отказались: была пора сенокоса, и никто из них не мог позволить себе отлучиться из хозяйства. Может, предложи им Функ немалую компенсацию, кто-нибудь из них и нашел бы такую возможность. Но большими деньгами физик не располагал. Да и перелет пришлось бы оплачивать.

О родственниках Нарева, близких или отдаленных, не было известно вообще ничего.

Инна Перлинская оказалась одинокой – после трех разводов – женщиной, бездетной (видимо, мешала профессия), родители которой теоретически могли еще быть в живых – но их ведь нужно еще найти, а поиски обещали затянуться очень надолго: были они, как удалось установить, всю жизнь легкими на подъем, и в каком углу Федерации их искать, не мог посоветовать совершенно никто, даже департамент галактических коммуникаций: по его данным, актриса не поддерживала связи с ними с ранней молодости.

С родителями Карского, судя по данным, все обстояло благополучно в смысле здоровья, хотя возраст их вызывал глубокое уважение. Они, однако, относились к административной элите, и связаться с ними оказалось чрезвычайно трудно; узнав же, какого рода помощи от них ожидают, они просто прекратили разговор.

Отца физика Карачарова Функ когда-то знал лично – и, помня его, даже не стал пытаться разговаривать с ним на нужную тему: для Карачарова-старшего все, что хотя бы на миллиметр выходило за пределы официальной науки, заслуживало по меньшей мере костра. Было просто удивительно, что у такого отца вырос достаточно нетрадиционно мыслящий сын – хотя, если подумать, и он никогда не выходил за пределы общепризнанного. Просто умел извлекать из него то, чего другие не замечали. Как и его извечный оппонент Хинд, кстати, который теперь, вследствие известных обстоятельств, уже никак не мог бы продолжить их дискуссию, даже окажись Карачаров здесь и сейчас.

У инспектора Петрова, человека весьма в годах, родителей давно уже не было. Он, правда, был женат, но жена оказалась значительно моложе его, и нельзя было рассчитывать, что у них успело произойти необходимое Функу уподобление психики. С нею Функ и не пытался разговаривать.

Истомин, похоже, всю жизнь прожил одиночкой, связи его были поверхностными и непродолжительными. Родители его погибли давно, во время нашумевшего когда-то восстания роботов в дальневосточных областях Земли.

Врач Зоя Серова была не замужем и бездетной. Родители ее, жившие на Стреле-второй, возможно, и могли бы помочь; однако, как свидетельствовали данные, оба скончались вскоре после исчезновения дочери – их единственного и горячо любимого ребенка.

Что же касается супругов Еремеевых, то родители и мужа-футболиста, и его жены были живы-здоровы, обитали на Земле, так что Функу удалось без особых затруднений связаться и побеседовать со всеми четверьмя. Разговоры, однако, не принесли физику ничего, кроме разочарования. Отцы и матери молодой четы оказались людьми, целиком погруженными в материальную сферу жизни, заботящимися, как и вообще большинство людей, о повышении своего благосостояния; что же касается исчезнувших вместе с кораблем детей, то о них, конечно, очень сожалели и вспоминали только добром, но никак не желали уразуметь, что сейчас, столько лет спустя, можно что-то сделать для их возвращения: в чудеса эти люди не верили. Сами того не сознавая, они были глубокими фаталистами.

И тем не менее, если где-то и можно было еще найти человека, обладавшего бы естественным каналом связи с кем-то на борту «Кита», то именно среди этих людей.

Как было известно Функу, на Земле оставался сын Еремеевых – Юрий, которому было четыре года, когда родители вместе с кораблем неожиданно ушли из его жизни; следовательно,

сейчас ему должно было исполниться уже двадцать шесть. Прекрасный возраст для той работы, к которой старый физик решил привлечь молодого человека.

После того, как родители пропали, Юрий рос и воспитывался в семье родителей матери. Если бы его воспитывал дед по отцу, Юрий скорее всего пошел бы по спортивной линии; дед же по матери был предпринимателем, хотя и достаточно мелким, но стремился вырастить внука деловым человеком. Однако (Функ узнал об этом с удовольствием) мальчика коммерция интересовала ничуть не больше, чем профессиональный спорт; на самом деле его привлекала романтика путешествий, преодоления расстояний и трудностей, риск и неожиданные ситуации, в которые приходилось попадать; со временем он надеялся стать космографом-исследователем и поэтому обучался заочно в Высшей Школе Достижения и Выживания, а чтобы содержать себя и платить за обучение (Высшая Школа была частным предприятием), работал в спасательном отряде на Памире.

Эта информация Функа удовлетворила. Люди с романтическим складом характера охотно верят в то, что на корню отвергается прагматиками. Физик подумал, что с этим молодым человеком он, пожалуй, сможет достаточно быстро найти общий язык.

Разыскать Юрия удалось не сразу: Функ начал поиски как раз в пору, когда спасательная группа находилась в ущелье, которое рельеф делал недоступным для установления связи через спутник. Выход был тренировочным, но это ничуть не делало его менее сложным. Так что пришлось ждать три дня, пока Юрий не появился в зоне досягаемости. Функ хотел сразу же воспользоваться открывшейся возможностью, чтобы хоть вкратце побеседовать с молодым романтиком и объяснить, на какую помощь с его стороны рассчитывает.

Однако разговор с Юрием пришлось бы, по необходимости, вести по общей сети, и если бы кто-то заинтересовался его содержанием, для него не составило бы труда перехватить передачу и оказаться таким образом в курсе – хотя бы в общих чертах – замыслов старого физика. Функ считал это крайне нежелательным. И не потому, что он так уж дорожил той славой, которая неизбежно должна была достаться человеку, вернувшему «Кита» в мир людей; хотя честолюбие отнюдь не было чуждым старому физику, но в этом случае оно стояло на втором плане, главным же являлось другое: после ознакомления с делами Хинда у Функа возникла если не уверенность, то, во всяком случае, понимание того, что вокруг истории с «Китом» страсти еще далеко не улеглись и наверняка имелось некоторое количество людей, заинтересованных не в том, чтобы потерянный корабль вдруг возник хотя бы в пределах устойчивой связи, а наоборот – в том, чтобы ни корабль и ни один человек из находившихся на его борту никогда не были бы найдены. Во всяком случае, в живых, но лучше – если никого не обнаружат даже и мертвым.

Понимая это, Функ был готов лично лететь в Тибет – хотя в его возрасте это представлялось затруднительным, а кроме того, было связано с неизбежной потерей времени, которое теперь являлось для физика наибольшей ценностью из всего, чем он в этой жизни обладал.

Но тут сама судьба пошла наконец ему навстречу.

Глава 7

Далеко, вне нашей системы координат

– Всеобъемлющий: место установлено. Канал информации блокирован каким-то незначительным телом. Проницатель уже находится там и намерен внимательно и подробно исследовать этот феномен. Сделав выводы, незамедлительно доложит.

– Все идет очень медленно. В системе два-пять-восемь уже начались неблагоприятные преобразования. Не получая внешней информации, материя самоорганизуется совсем по другой модели. Вы понимаете, чем это грозит?

– Решаюсь заверить, что понимаю. Всеобъемлющий, все меры будут приняты и, не сомневаюсь, наибо́льшим образом.

– Надеюсь, что так.

Глава 8

Бытие

Приняв решение, Истомин круто повернулся и зашагал в направлении туристической палубы: иными словами – к жилым корпусам. Точнее – в сторону трапа, выведившего в верхнюю часть главной шахты корабля. Если бы он захотел навестить в первую очередь механизмы, пришлось бы идти к нижнему отрезку шахты, то есть в противоположном направлении.

Поравнявшись с лифтовым колодезем, Истомин на миг приостановился: искушение воспользоваться механическим транспортом было сильным. Но для этого пришлось бы звонить Рудику и просить его включить лифты: инженер по-прежнему исправно отключал на ночь механизмы, без которых можно было обойтись. Будить же его не хотелось: писатель был едва ли не единственным, кто знал, с какой затратой сил постоянно работал инженер, потому что в трюмном корпусе Рудик появлялся часто, а в жилом – практически никогда. Так что пришлось подниматься по винтообразному трапу внутри шахты.

Это едва не кончилось для него плохо.

Истомин уже почти добрался до катерной палубы, когда ощутил внезапное и сильное головокружение. И одновременно почувствовал, что ноги его отрываются от ступенек трапа. Не держись он крепко за поручень, он взлетел бы над трапом – чтобы в следующее мгновение сорваться вниз, в шахту: гравитация включилась так же неожиданно и самопроизвольно, как и выключилась. Но и сейчас, грохнувшись о ступеньки, он основательно ободрал колено и дальше поднимался, ощутимо прихрамывая.

В катерный эллинг ему было не попасть: механизмы доступа туда из шахты были настроены лишь на сенсорикку членов экипажа, а универсальный ключ имелся только у Карского – даже тут, в неведомом пространстве, он сохранял свои преимущества высокого администратора Федерации, членом которой корабль то ли был теперь, то ли нет (поскольку Королевство о своем вступлении в Федерацию не объявляло – об этом никто даже не задумывался: слишком отвлеченным это представлялось. А говорить с детьми на эту тему означало бы – показать, что они официально признаны. А так – еще можно делать вид, что все происшедшее – всего лишь ребяческая забава, не более).

Оказавшись на лестничной площадке, на которой была единственная дверь, надежно запертая – та, что вела к катеру, – Истомин на всякий случай остановился, прислушиваясь: не донесется ли из эллинга какого-нибудь подозрительного звука?

Нет, все было тихо. Так что если кому-нибудь из обитателей мирка и пришла в голову сумасшедшая мысль покинуть корабль – хотя бы для того, чтобы облететь вокруг обетованной планеты, что подрастала (принято было думать, что подрастала, хотя и намного медленнее, чем хотелось бы) невдалеке, – то он так и не смог бы добраться ни до одного из действовавших выходов. Значит, тут опасности не было.

Дальше путь писателя лежал в жилой корпус, а точнее – в сад. В свое время люди любили гулять здесь; тут было пусть и приближенное, но все же подобие живой природы. Но когда стало ясно, что настоящих деревьев, кустов, ручейков с натуральной, а не восстановленной водой им вовек не увидеть, желание бывать здесь как-то быстро сошло на нет, и теперь сад уже не казался более живым, хотя на самом деле все, что росло в нем, было совершенно подлинным. Просто вместо былой радости он навевал теперь тоску – а наше восприятие всего на свете зависит в первую очередь от нашего настроения, а не от качества того, на что мы смотрим. И писатель прошел через сад быстро, испытывая какое-то внутреннее неудобство, сутулясь и опустив глаза; ему казалось, что деревья – тоже, кажется, тоскующие по настоящей жизни – с укоризной смотрят на него.

Поэтому он испытал подлинное облегчение, когда смог наконец спуститься ниже (такова была архитектура), чтобы попасть в палубу первого класса. Туда, где после ухода Истомина и эмиграции молодых жило девять человек. Сюда удалось войти беспрепятственно. Писатель отворил дверь с лестничной площадки, прошел коротким коридорчиком и оказался в салоне.

Он старался ступать потише, чтобы не разбудить спавших, за переборками, в каютах. Ковер в салоне за годы успел вытереться, его тоже давно уже собирались заменить. Но руки все не доходили. Да и немножко боязно было загружать синтезатор такой работой: коврик-то был не маленький. А синтезатор – податель жизни – хоть и сам себя содержал в порядке, но моложе от этого все-таки не становился. Так что в ковровом ворсе протопталась до самой основы дорожка, и по ночам идти по ней лучше было на цыпочках. Если не хочешь, конечно, как бы невзначай поднять всех на ноги.

Но этого Истомин ни в коем случае не хотел.

* * *

Однако вдруг у него возникло совершенно другое желание. Насколько не хотелось ему видеть все то, что росло в саду – потому, что сад был как бы подделкой под настоящую, всеобъемлющую и многогранную жизнь, – настолько сейчас не то чтобы захотелось – нет, просто потребовалось увидеть то пространство, в котором они находились вместе с кораблем, ту пустоту, что вмещала и корабль, и возникавшую неподалеку от него новую планету, и далекие галактики, и еще (подумалось Истомину вдруг) многое такое, о чем обитатели «Кита» до сих пор не получили никакого представления и даже не догадываются, быть может. Не зря же в приснившемся ему сюжете кто-то атаковал корабль извне. И, сам не понимая, верит ли он в приснившееся или нет, писатель тем не менее хотел увидеть это самое пространство собственными глазами – скорее всего чтобы успокоиться.

Со времени своего переселения в грузовой корпус Истомин не бывал на прогулочной палубе и начал уже забывать, как выглядит пустота. Кроме того, ему хотелось увидеть еще и планету, давным-давно уже описанную им – может, чтобы убедиться, насколько он был тогда прав – или, напротив, до какой степени заблуждался.

Свернув с протоптанной дорожки, он подошел к переборке, нажал пластину замка, сомневаясь в том, что механизм сработает. Но матовая поверхность стены исчезла, и можно стало, отчего-то затаив дыхание, выйти на прозрачную прогулочную палубу и пройти по ней, продвигаясь вдоль выгнутого борта, за которым сейчас мирно спали люди.

Истомин шел до тех пор, пока в поле его зрения не оказалась возникающая по воле населения «Кита» Новая планета. Петрония.

Увидеть ее удалось не сразу. Как черную кошку в темной комнате среди ночи. В освещенном корабле как-то забывалось, что вокруг него стояла вечная ночь, и планета тоже была неразлично-темной: она не отражала света – потому что отражать было нечего. Лишь месяц-другой после выхода Петрова зародыш нового небесного тела освещался мощным прожектором с корабля; потом поняли, что это ни к чему – там если что-то и изменялось, то неуловимо медленно – и свет вырубил.

Лишь когда глаза как следует адаптировались к мраку, удалось разглядеть нечто еще более черное, чем всеобщая тьма вокруг – потому, может, что комок вещества, каким пока все еще оставалась планета, поглощал даже то исчезающе малое количество света, какое все же существовало здесь, невзирая на полное отсутствие доступных взгляду светил.

Итак, Истомин все-таки разглядел планету. И подумал, что лучше бы ему было не предпринимать этой попытки.

По его представлениям, за истекшие восемнадцать лет планета должна была ощутимо вырасти в объеме.

На деле же она была до убогости маленькой. Отсюда казалось, что даже одному человеку там не на чем было бы устоять.

Может, она и росла; но, пожалуй, пришлось бы взвешивать ее на точных весах, чтобы установить это. Пока же – Истомин смотрел, и ему показалось, что он различает очертания тела Петрова, все еще обнимавшего цилиндрический корпус гравигена. Хотя на самом деле, разумеется, увидеть Петрова Истомин не мог: уж настолько-то планетка выросла, чтобы накрыть своего основателя достаточно плотным пылевым одеялом.

Писатель даже не ожидал, что зрелище это до такой степени разочарует его и огорчит. Истмину больше не захотелось что-то делать, выяснять, искать. И, возможно, он повернул бы назад, так ничего и не найдя, если бы в следующий миг ему не почудилось, что совсем рядом – таково было впечатление – на миг вспыхнула молния; это слово, пожалуй, было самым точным.

Голубая яркая стрела, направленная как бы в борт корабля – примерно, как прикинул Истомин в следующую секунду, на уровне туристической палубы.

И одновременно он вновь ощутил уже знакомую вибрацию.

Не было ли это тем, что померещилось ему во сне?

Однако это оказалось не самым необычным.

В этой мгновенной голубой вспышке ему почудилось (нет, не почудилось, он голову дал бы на отсечение, что то было совершенной реальностью): какое-то тело неясных очертаний, но размерами, как ему показалось, соответствовавшее человеку, скользнуло в пространстве в том же направлении, что и яркая стрела: от зародыша будущей планеты – к кораблю. Тоже к туристическому корпусу.

Этого не могло быть, тем не менее Истомин ни на миг не усомнился, что увиденное им существовало на самом деле. Даже непонятно, откуда могла взяться столь непоколебимая уверенность.

Человек в пространстве, рядом с наглухо запечатанным кораблем?

Но, собственно, кто сказал, что «Кит» так уж надежно закупорен? Пассажирский выход был непригоден для использования, да. Но разве только один выход был на корабле, кроме пассажирского и грузового люков? Истомин не знал в подробностях устройства гигантской машины, но ему было известно, что именно входами-выходами столько лет занимался инженер Рудик. Судя по тому, что корабельных дел мастер никогда не выглядел разочарованным, переживающим неудачу, возникла уверенность, что восстановить систему люков ему удалось. И в последние годы их никто из строя не выводил. Знающий человек мог воспользоваться любым из них.

Кто же этот человек в пустоте? Истомин задал себе именно такой вопрос: ясно же было, что, кроме населявших корабль людей, здесь не могло быть ни единой живой души.

И все же первым, что пришло ему в голову, была мысль именно о человеке, давно уже не числившемся в живых. Истомин подумал о Петрове. О герое, пожертвовавшем собой для того, чтобы планета могла начать расти.

Петров покинул борт «Кита» почти точно восемнадцать лет тому назад. Истомин помнил, что через несколько дней все они должны будут собраться в салоне, чтобы отметить очередную годовщину этого события. Думая «все», Истомин не имел в виду детей: они не участвовали в этом печальном торжестве.

И что же – теперь он возвращался?

Нет, в это поверить невозможно. Человек не может восемнадцать лет существовать в пространстве, не получая помощи.

Если только – если только он действительно не получал ее.

Однако зачем было бы ему скрываться от остальных? Ответить на это писатель, разумеется, не мог. Во всяком случае, сразу.

Нет, не Петров, конечно. Глупости. Глупости.

В таком случае – кто же?

Ответ нашелся сразу.

Фигура направлялась от планеты к туристическому корпусу – туда, где обитала молодежь.

Дети! Как это он не сообразил сразу? Кто еще может нарушать покой? И чье неумное любопытство, если не детское, могло побудить кого-то пойти на немалый риск, чтобы своими руками потрогать небесное тело, пусть и маленькое, с которым связаны все надежды обитателей «Кита» на будущее?

Дети. Их ведь – пока они не самоизолировались – обучали – на всякий случай – и пользованию скафандрами, и даже управлению катером – после того, как инженер вернул его к жизни.

Да конечно же! Он, Истомин, и сам ведь некоторое время жил в туристическом корпусе. И сейчас смутно вспоминал, что и там был выход. Он считался аварийным, и им не пользовались. Но он тем не менее существовал. И Рудик, кажется, чем-то занимался и там...

Черт побери! Дети! А что, если у них там что-то не заладится, и они разгерметизируют корабль? Самое малое, что может тогда случиться, – механизмы страховки отсекут туристический корпус от остальных помещений «Кита», и все, кто там находится, погибнут из-за катастрофического падения давления и отсутствия воздуха.

Они же ничего не понимают! Это же дети всего лишь!

Истомина охватил ужас.

Это сильное чувство сразу же вернуло его к повседневности. Он повернулся, быстро приблизился к выходу, закрыл за собою дверную пластину и направился к цели своего путешествия.

Уже когда он покидал салон, ему почудился знакомый звук: словно бы приотворилась дверь одной из кают.

Истомин, не оглянувшись, лишь ускорил шаги.

* * *

Его визит в обитаемый корпус остался незамеченным – или, точнее, хотя и был замечен, но никого не встревожил, наоборот – тут же позабылся. Карачаров – а именно он хотел было выйти из своей каюты в салон, – отворив дверь, увидел чью-то спину и, нимало не интересуясь тем – кто же это и почему бродит среди ночи по салону, – тут же затворил дверь и даже запер, твердо решив не откликаться, если даже к нему постучат. Желание прогуляться по корабельным окрестностям (а физик в нередкие бессонные ночи не раз предпринимал такие вылазки) сразу же исчезло: у Карачарова не было охоты встречаться сейчас с кем бы то ни было. Вот если бы это оказалась женщина... Но спина выглядела мужской, пусть и в халате. Насколько физик разбирался в силуэтах.

Карачаров хотел выйти из своей каюты потому, что несколько минут тому назад, когда он, целиком уйдя в размышления, привычно расхаживал по каюте взад и вперед, ему показалось, что пол на какое-то мгновение ушел из-под ног, все вокруг задрожало, и физик едва не растянулся на ковре. Но когда он, приотворив дверь, увидел спокойно удалявшегося человека, Карачаров предположил, что все, что с ним произошло, было лишь его собственным ощущением: просто на секунду закружилась голова – от усталости, от перенапряжения, мало ли от чего она могла вдруг дать такой сбой. Так что он успокоился, вернулся к столу и продолжал раздумывать над своими проблемами.

К бессонным ночам, когда уснуть удавалось лишь утром (зато потом можно было спать хоть до вечера) Карачаров успел привыкнуть. Они его не волновали; мало того – он считал это естественным. Проанализировав причины, он понял, что иначе и быть не могло.

Люди, внезапно вырванные из жизни, лишённые связей с нею, но продолжающие биологически существовать, как правило, остаются на том уровне представлений, стремлений, инте-

ресов и ценностей, на каком находились в миг отторжения – если только новое бытие не заставляет их перестроить шкалу ценностей и систему взглядов и если они не прилагают немалых усилий, чтобы найти новое применение своей энергии и способностям.

Но в любом случае человек либо продолжает активно работать так, как он привык, – и тогда сохраняет себя, как полноценного деятеля, либо какое-то время вертится вхолостую, а затем, не имея обратной связи с результатами деятельности, затухает – и немедленно начинается деградация.

Большинству обитателей «Кита» помогли уцелеть дети; с ними возник целый мир новых чувств и задач, и о расслаблении не могло быть и речи.

Карачаров же, сознавая грозящую опасность и не находя более применения своим силам в жизни бывшего корабля, глубоко обиженный людьми, отказавшими ему в доверии на выборах, нашел выход в том, чтобы закапсулироваться в ту же физику, которой занимался всю сознательную жизнь.

Его попытка спасти маленькое человечество «Кита» не увенчалась успехом: расчет был правилен, но корабль оказался не в состоянии предоставить нужную мощность. Не повезло и с планетой: на сей раз тоже расчет был верен, но настолько безнадежен, что физик не решился обнародовать его и, чтобы не позволить людям совершенно потерять надежду, сократил сроки на несколько порядков; все бы ничего, но молодежь пересчитала и обвинила его в ошибке, хотя на самом деле ошибки не было, существовало лишь желание ободрить, заставить жить и надеяться.

Его усилия остались неоцененными, и Карачаров не мог не обидеться на это, а с другой стороны – не смог отказаться от желания все-таки сделать по-своему: доказать, что если кто-то и спасет людей, то лишь он один – никто другой.

Вывод напрашивался сам собой: надо было до конца разобраться в том, как именно произошло то, что с ними произошло, каков был механизм явления, и – самое главное – была ли затрата энергии на инверсию и на самом деле столь громадной, как следовало из его первых предположений. Если процесс и на самом деле был настолько энергоемким, то – откуда эта энергия взялась, если мощность корабля не позволяла оперировать такими величинами? А если тогда физик ошибся и процесс на деле был гораздо более экономичным – то каким же, черт бы его взял, он был?

Вот в эту проблематику он и влез и ни о чем другом больше не хотел думать. Разобраться оказалось сложнее, чем ему виделось вначале. Потребовалась такая математика, какой он раньше не пользовался; на одно освоение этого аппарата ушло больше двух лет. И лишь относительно недавно, после исследования многих возникавших у него вариантов, он, похоже, напал на верную тропинку – и не быстро, но все более уверенно продвигался теперь по ней.

Еще много программ предстояло рассчитать, чтобы приблизиться к конечному результату, но главный вывод физик мог бы, пожалуй, сформулировать уже и сейчас. Вывод был очень простым и совершенно неожиданным.

А заключался он в том, что происшедшее с «Китом» и его обитателями событие никак не могло произойти без человеческого вмешательства. Или, говоря иначе, – природа не обладала такими устройствами, какие – по выводам Карачарова – были необходимы для того, чтобы осуществить инверсию в столь небольшом масштабе. Теперь физику представлялось, что энергия при этом потребовалась достаточно скромная; природа в галактическом пространстве не оперирует такими величинами, подобная дозировка – явный след человека.

Конечно, все это надо было еще не раз проверить – и логически, и математически, и вообще – с точки зрения здравого смысла.

Но вместе с этими выводами неизбежно должна была возникнуть – и на самом деле возникла – масса вопросов. Люди? Какие люди? Кто-то из тех, кто и сейчас находится на борту «Кита»? Но кто и почему мог пожелать себе такой судьбы? А если кто-то и мог – для того,

чтобы добиться такого результата, нужно было владеть и теорией, и ее прикладными возможностями так, как ими владели, в лучшем случае, полдюжины человек в Федерации. Кто-то со стороны? Зачем? Чтобы воспрепятствовать прибытию на Землю кого-то из пассажиров? Кого и почему? И почему – именно таким, прямо сказать, не самым простым способом? Не проще было бы, в таком случае, просто взорвать корабль? Чтобы разбираться в таких проблемах, надо было обладать опытом следственной работы; но этого как раз у Карачарова и не было.

Он, однако, считал, что логика остается логикой, к чему бы ее ни прилагать. И, что если по-настоящему сосредоточиться на решении этого вопроса, рано или поздно верное решение найдется.

Времени же, как полагал Карачаров, у него было в избытке.

Хотя тут он, возможно, оказался не вполне прав.

Так или иначе, заперев дверь и не испытывая ни малейшего желания уснуть, Карачаров уселся за стол и снова погрузился в размышления все на ту же тему.

* * *

К туристической палубе Истомин приближался, чувствуя, как настроение его становится все более и более смутным – именно таким словом определил писатель свое состояние.

В последний раз он был здесь – когда же? Да, наверное, больше двух лет тому назад; вот именно так. И, переселяясь в каюту суперкарго, с облегчением покинул эту палубу.

Тогда туристический салон был все еще загроможден массивными катушками на тяжелых постаментах, над которыми возвышался прозрачный купол; памятник рухнувшим надеждам – так называл его Истомин. И одновременно надгробный камень авторитету физика Карачарова, с той поры так и не воскресшему: похоже, чудес и здесь, в межгалактическом пространстве, не происходило.

...Кончилась наконец длинная кишка перехода. Овальная пластина, во время старта, финиша и сопостранственных прыжков надежно изолировавшая туристический корпус от гораздо более уязвимой трубы, сейчас, как и десять лет тому назад, была распахнута и укреплена тормозом. Ничто не мешало войти.

Истомин помедлил мгновение, вздохнул и переступил высокий порог.

* * *

Планировка туристической палубы была иной, чем в первом классе. Что и неудивительно: раз отличаются цены на билеты, должны же в чем-то быть не похожими условия, которые компания предлагала пассажирам. Каюты, понятно, были поменьше. Меню синтезатора – здесь помещался один из его выходов – покороче, хотя и ненамного. И если в первом классе двери кают выходили прямо в салон, то в турмодуле система была коридорной, причем каюты располагались по одну сторону прохода, салон же, синтезатор и прочие службы – по другую, по левую – если идти из первого класса, как сейчас писатель.

Десять лет тому назад двери в салон были широко распахнуты – вернее, утоплены в стены и так закреплены. Сейчас створки оказались плотно закрытыми. Так что, проходя мимо них, Истомин с облегчением вздохнул: удалось лишний раз не увидеть памятник разочарованию. Кроме того, возникла надежда, что молодежь не стала экспериментировать с этим оборудованием, которое, как понимал Истомин, по-прежнему оставалось достаточно мощным, чтобы при вольном обращении с ним разнести на кусочки и корабль, и планету, да и вообще – проделать в пространстве неизвестно какую дырку, куда все провалится со страшной силой. Нет, дети, к счастью, продолжают, похоже, развлекаться своими будническими – или как их там? – телами. И пусть занимаются на здоровье...

И однако же: если от этих их буднических или каких угодно других тел корабль начинает содрогаться – значит, пришло время навести порядок.

Такими вот размышлениями Истомин, переминаясь с ноги на ногу, все-таки довел себя до кондиции, необходимой для того, чтобы постучать в дверь какой-нибудь из кают, войти и потребовать – нет, конечно, не потребовать, но очень деликатно попросить объяснений. А кроме того, разумеется, осторожно выпросить: не возникало ли в этом корпусе чего-то, что вызвало бы у его обитателей чувство беспокойства, не случилось ли каких-то необъяснимых событий, и даже – не видел ли кто-нибудь из молодых каких-нибудь странных снов, в которых кораблю угрожала бы серьезная опасность.

Выбирая, в какое же из жилищ вторгнуться, писатель медленно шел по коридору, прислушиваясь. Любое действие должно сопровождаться звуками. По звуку часто можно определить и характер происходящего. А это важно, чтобы не попасть в крайне неловкое положение. У Истомина не было иллюзий насчет того – на какого рода действия он мог тут напориться, помимо всяких электронных или механических фокусов. Пресловутое яблочко с древа познания тут, полагал он, было давно уже разьедено.

Он был примерно посреди коридора, когда звук и в самом деле донесся до его слуха.

Снова тот самый звук: не звонкий, не глухой. Не металлический и не от удара пластика о пластик. Если бы он исходил из каюты, Истомин снова без колебаний определил бы его, как глубокий и продолжительный вздох. Очень глубокий и очень продолжительный. Люди так не вздыхают.

Но шел он явно не со стороны кают, а с противоположной. От синтезатора, или, может, даже из салона.

Или... Или, пожалуй, это могло быть звуком, сопровождающим кратковременное истечение воздуха из какого-то корабельного помещения в пустоту; но не сквозь небольшую щелку – тогда это был бы уже свист, – а через открывшуюся на секунду дверь, которая вела бы в пустоту.

И одновременно со звуком снова возникла – на какие-то полсекунды – уже знакомая вибрация, неприятная, как болезненный озноб. Что же они такое там делают? Совсем спятили?

Истомин на всякий случай остановился и глубоко вдохнул воздух. Нет, дышалось нормально. Тем не менее он, пользуясь старинным приемом, послюнил палец и поднял его, чтобы убедиться, что в коридоре нет никакого ветра, который означал бы пусть небольшую, но все же утечку воздуха.

Ветра никакого не было, писатель успокоился и двинулся дальше.

Дверь синтезатора была ближе, писатель подкрался и осторожно заглянул. Там было пусто, прибор отключен, как и полагалось на ночь.

Тогда он вернулся ко входу в салон и, преодолевая нежелание, нажал кнопку открывания.

Створки, однако, и не шелохнулись. Механизм то ли вышел из строя, то ли был принудительно отключен.

Истомин почувствовал, что беспокойство его вновь возникло и все усиливается. Первым, пришедшим в голову, оказалась нехорошая мысль о том, что может происходить среди ночи в салоне, раз уж туда и войти нельзя: для парочки хватило бы места и в каюте, а если уж понадобилось запирается в салоне, то там не двое предаются черт знает чему, а целая куча – хотя жили в турмодуле, кроме прочих, и совсем еще малолетки. Это же... Это...

Вероятно, только одним могли быть вызваны такие мысли: слишком надолго затянулся для него монашеский период – а всю предыдущую жизнь, в которой еще не было корабля и межгалактической пустоты, писатель не страдал аскетизмом. И психика все чаще уподоблялась стрелке компаса, указывающей, как ни крути, все на одно и то же. Он и сам это чувствовал, однако иногда – лишь задним числом, то есть далеко не сразу.

Так или иначе, в это мгновение он и не подумал заниматься самоанализом. Он просто испугался. Потому что на самом деле был достаточно старомодно воспитанным и законопослушным человеком, хотя со стороны, возможно, порою и выглядел совсем иным. И именно этот испуг скорее всего заставил Истомина забыть о его не очень приспособленном для визитов наряде (он ведь направился сюда лишь чтобы убедиться, что нигде не горит, не течет и не рушится, а вовсе не для переговоров), а заодно – и о принятых нормах приличия, которые следует соблюдать даже когда общаешься с малышами. Вот почему писатель, не потрудившись постучаться, толкнул плечом ближайшую каютную дверь – почти напротив закрытого входа в салон, – за которой звучала музыка – или, может, не совсем музыка, к какой Истомин привык, но, во всяком случае, нечто, обладавшее медленным ритмом и какой-то пусть монотонной, но несомненно мелодией.

Итак, он толкнул дверь каюты и вошел. Остановился на пороге. Устремленные на него взгляды множества глаз – почудилось ему – обожгли.

– Здравствуй, твое величество, – пробормотал он, стараясь, чтобы слова прозвучали доброжелательно-шутливо; в таком ключе он разговаривал с юнцами раньше – когда еще делил с ними туристический модуль.

– Здравствуй, – ответила Королева, ничуть, похоже, не удивившись. – Все не спишь?..

Истомин растерянно улыбнулся.

Часть II

Глава 1

Бытие

Инженер Рудик на этот раз проснулся позже, чем хотел; он обычно, ложась спать, устанавливал свой внутренний, подсознательный будильник, безотказно действующий с точностью до минуты, на то время, когда ему следовало проснуться, – а время это зависело от той работы, которую сам же он на предстоящий день себе планировал. Сегодня, по его расчетам, следовало подготовить свой скафандр и всю нужную аппаратуру, чтобы выйти в пространство и закончить разбираться со створками батарейного отсека; хотя шарниры их и были заменены, створки оставались все еще распахнутыми и по-прежнему не подчинялись командам изнутри. По расчетам инженера, эта работа должна была стать последним этапом подготовки к главному делу: восстановлению ходовых батарей.

На этот раз будильник почему-то задержался с сигналом и разбудил инженера на сорок минут позже задуманного.

Причиной тому, возможно, было сновидение, настолько интересное, что инженеру никак не хотелось пробуждаться.

В этом сне Рудик с изрядным удивлением ощутил себя сидящим в глубоком, уютном кресле в просторной, несколько старомодно (по его представлениям) обставленной комнате, а напротив него, точно в таком же кресле, расположился очень старый человек, о котором инженер почему-то точно знал, что зовут его – профессор доктор Функ и что он самый известный в своем кругу физик, чьей специальностью является физика пространства. Профессор говорил ему высоким, по-старчески надтреснутым голосом:

– За минувшие годы мы многого достигли. И, полагаю, смогли бы с очень большой вероятностью успеха вернуть вас вместе с кораблем к людям, цивилизации – если бы вы находились где-нибудь на разумном расстоянии. Но вас нигде нет. Скажу больше: нам оказалось под силу обнаружить вас даже на очень большом удалении – иначе я не мог бы сейчас разговаривать с вами. К сожалению, тот способ связи, каким я сейчас пользуюсь, не позволяет сколько-нибудь точно установить даже направление на вас, не говоря уже о расстоянии. То есть где вы находитесь – нам по-прежнему неизвестно. Сейчас я знаю только, что ваш корабль продолжает существовать, и что некоторые люди на его борту – вы, в частности, живы и, по всей вероятности, здоровы. И это пробуждает в нас надежду, что еще не потеряна возможность вновь встретиться со всеми вами. А уж если это произойдет – теперь-то мы сможем привести вас к нормальному виду. Если угодно, могу объяснить...

Но тут он перешел на столь специальный язык, что инженер понять ничего уже не мог; ему осталось только аккуратно укладывать все в памяти – так надежно, чтобы, пробудившись, ни слова не забыть. Он ведь сознавал, что видит всего лишь сон. И весь сосредоточился на запоминании; во сне инженер безоговорочно верил старику и переживал ощущение, какое бывает, когда собираешься начать какое-то дело – рискованное и сложное, но сулящее небывалую удачу.

Вернее всего, именно увлекательность приснившегося и не позволила разбудить его среди ночи той самой вибрации, которая, как мы помним, столь смутила Истомина.

Естественным и безусловным желанием его в первое мгновение было – вскочить, чтобы немедленно записать то, что еще жило в его памяти, а записав – серьезно и обстоятельно над всем этим поразмыслить.

Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что лежит в постели и вовсе не торопится к пульту инженерного боржурнала, куда он и собирался занести все увиденное и услышанное. А вместо естественных в таком положении мыслей о возможных небывало благоприятных, хотя и совершенно неожиданных последствиях приснившегося разговора его занимает сейчас нечто совершенно другое.

Инженер вдруг ощутил усталость. Глубокую, какая, если не принять мер, способна вызвать устойчивое равнодушие ко всему, что происходит в жизни, а в заключение – и к самой жизни.

В этом не было ничего удивительного. Потому что из всех одиннадцати старших и двенадцати молодых обитателей «Кита» инженер был, как мы уже знаем, единственным, продолжавшим работать по полной программе изо дня в день и из года в год, без отпусков и выходных.

В таких условиях человек изнашивается, пожалуй, даже быстрее, чем техника, за которой он ухаживает.

Усталость накапливается скрытно – подобно тому, как медленно, но неуклонно поднимается уровень воды у плотины, – незаметно для тех, кто находится внизу, по другую ее сторону. Но наступает мгновение – и вода начинает переливаться, размывает и сносит препятствие, если только напор ее не продавил преграду еще раньше.

Похоже, что именно в эту ночь усталость возобладала над характером и привычками инженера; его внутренняя плотина если и не рухнула совершенно, то, во всяком случае, дала очень основательную течь. А может, тем, что сыграло такую неблагоприятную роль, была возникшая вследствие услышанных во сне обещаний надежда; именно надежда порой заставляет расслабиться человека, еще за минуту до этого готового к решительным и трудным действиям.

Так или иначе – вместо того, чтобы выполнять свои обязанности, инженер, не вставая, медленно, с некоторой натугой стал вдруг думать о вещах, которые никогда раньше не приходили ему в голову, и переживать чувства, каких до сей поры не ощущал.

Он вдруг почувствовал, что обижен – до самой глубины души.

Обижен тем, что вот уже почти два десятка лет он был, по сути дела, единственным на корабле (или на планете, называть это можно, как угодно), кто работал, занимался серьезным делом – в то время как остальные – если называть вещи своими именами – просто-напросто бездельничали, валялись дурака. Плодили детей и копались в собственных переживаниях, или же играли в государство, или в науку. Теперь вот уже – наконец-то дошло до него – целых два государства существовали в пределах «Кита»: каждое с мушиный следок величиной. Он узнал об этом случайно – в очередной раз проходя коридором туристического модуля, когда работал с оборудованием тамошнего запасного выхода. Еще тогда ему пришло в голову и то, что заодно следовало бы проверить все корабельные сети – компьютерную и внутренней связи. По корабельному расписанию это входило в обязанности штурмана; однако инженер давно понял, что на Лугового рассчитывать всерьез не приходится: жена его занималась какими-то божественными проблемами, а штурман находился у нее на подхвате. Так что все, имевшее отношение к связи, инженер собирался тоже принять на себя, – но не сейчас, конечно, а после того, как приведет в порядок всю собственно инженерную систему.

Ему, откровенно говоря, наплевать было на то – сколько там государств, чем их жители занимаются и каким образом молятся. Бог все равно был один для всех, а здесь, на корабле, все зависело не от кого иного, как от инженера Рудика: повключает он один, другой, третий аппарат, вырубит синтезатор – и кончатся все их игры вместе с ними самими. Нет, Рудик, понятное дело, ничего подобного делать не собирался; однако знал, что на деле этот мирок целиком и полностью находится в его руках.

Однако никто другой (в этом-то и была обида!) о таких материях и не задумывался. Все вели себя так, словно никакого инженера Рудика на свете не существовало. Якобы все проис-

ходило само собой. А инженер являлся просто деталью механизма – за номером триста шесть тысяч девятьсот двадцать два по корабельной номенклатуре.

А ведь он мог – захоти только – выдвинуть свою кандидатуру в Судьи. И, как миленькие, избрали бы – стоило только растолковать, что это он здесь на самом деле главный. Но он не хотел. Потому что быть Судьей тут, где судить некого и не за что, мог всякий. А вот содержать корабль в порядке, все триста с лишним тысяч деталей, под силу только ему.

Не то чтобы ему нужны были какие-то почести и все такое прочее. Чихать он на такое хотел. Но все же. Все же!

Вот, например: семнадцать дней рождения прошло у Рудика за время бултыхания в пространстве. Из них первый отметили более или менее традиционно: втроем, всем экипажем. Потом еще два раза поздравлял Устюг – первый раз посидели вдвоем, во второй он просто позвонил. А дальше – все окончательно забыли.

Навряд ли ему так уж не хватало общества. Рудик и по характеру был одиночкой. Но уважение ему полагалось. А раз так – вынь да положь. Никто, однако же, не спешил.

Всем, выходит, было до него – как до лампочки.

А коли так – то и ему до них то же самое.

Вот он и не спешил сейчас – выпрыгнуть из постели, вспоминать, записывать, напрягать мозг – выяснять, что же он может на самом деле сделать, чтобы выручить всех тех, кого – как вдруг понял он с удивлением – он давно уже не уважал, пусть и бессознательно.

И потому еще, может, он не спешил откинуть одеяло, что именно сегодня был – уже начался – очередной день его рождения. И не какой-нибудь, а круглый. Пятидесятый.

И, наверное, если подумать – сегодня ему следовало вовсе не готовиться к выходу на поверхность корабля, а спокойно посидеть в собственном обществе. Выпить чайку. А может, и не только. Послушать музыку. Вспомнить то-се из прошедшего. И кое-кого тоже вспомнить. За полсотни лет, хочешь – не хочешь, накапливается всякого.

Но такая перспектива его почему-то не обрадовала. Наоборот, Рудик даже нахмурился.

А ведь придется все-таки встать. Вряд ли, конечно, он сможет придумать уже что-то серьезное сегодня, но оставлять приснившееся совершенно без внимания никак нельзя. Хотя, конечно, если подумать, интересный сон можно принять за подарок к юбилею.

Впрочем, во сны веришь по-настоящему только пока спишь. А проснувшись – сразу же начинаешь сомневаться.

Нет, вставать надо. Не проводить же весь день в постели!

Рудик хотел было встать. И не смог.

С удивлением – прежде всего именно с удивлением – он почувствовал, что тело отказалось ему повиноваться. И то была не просто слабость.

Как-то непривычно оповестило о себе сердце. Ноющая боль возникла, ушла в левую руку и растаяла, хотя и не сразу, где-то вроде бы в безымянном пальце.

Ничего себе, подарок! Это уже была не обида, а дело серьезное.

Рудик напрягся. И все-таки встал. Придерживаясь за спинку койки, постоял, стараясь дышать медленно-медленно и неглубоко, чтобы боль не ударила во второй раз.

«Это не подарок, – подумал он. – Это повестка».

Позвонить врачу? Зое?

Делать это ему не хотелось. Он всю жизнь не любил врачей – потому, наверное, что из них состояли медицинские комиссии, дававшие медвизу на работу в пространстве; комиссий побаивались и люди совершенно здоровые, такие, к примеру, каким был и он сам – до этих минут.

Пока он размышлял, сердце стало успокаиваться. Он вдохнул поглубже; ничего страшного. Вроде бы пронесло. Врач не нужен.

Инженер принялся одеваться – без особой торопливости.

Скорее всего так оно и есть: случайный сбой. Уже пронесло.

Врач не нужен, нет. А вот сменщик нужен.

Впервые за все годы – за все пятьдесят – Рудик не то чтобы понял, но как-то проникновенно почувствовал, что и он ведь умрет. Нет, не сейчас, не сегодня, конечно, еще много лет, даст Бог, проживет. Но тем не менее от такой судьбы ему не уйти – как и никому другому.

А вот корабль его переживет. Странно, конечно: неживые создания человека более долговечны и чем он сам, и чем его живые порождения – дети. Которых на борту уже много. Сколько именно – он сейчас точно не помнил.

Корабль останется, и они останутся. А кто же будет, когда Рудика не станет, ухаживать за кораблем, жить кораблем, чтобы обеспечивать благополучную жизнь всех остальных?

Надо такого человека найти. И научить. Это дело долгое. Так что начинать нужно немедленно. Раз уж повестка получена. Врачу можно врать, но самому-то себе – какой смысл?

Нужен ученик. И, естественно, – из молодых. Чтобы его хватило надолго. На все их поколение. А когда и они войдут в такой возраст...

Ну, то будут уже их проблемы. И сами они решат, как с ними справиться.

Значит – надо идти к молодым и, объяснив ситуацию, подобрать себе ученика покрепче. Такого парнишку, чтобы и голова была на месте, и руки тем концом приделаны, каким следует.

Рудик оделся не как обычно, а по всей форме; дело предстояло серьезное, и готовиться к нему нужно было именно таким образом.

Лишь наведя на себя полный марафет, спохватился: господи, а время-то! Раннее утро! Ничего себе – нашел время ходить по гостям. Хотя бы и по серьезному делу. Но ведь не на секунды пока что шел счет, верно ведь?

Он покачал головой, усмехнулся медленности своего соображения. Да, до конфуза недолго оставалось. Для развлечения поставил чайник. Вынул из шкафчика свою вечную кружку и вазочку с печеньем – так, для баловства и успокоения нервов.

Но тут постучали, и он механически, не успев даже удивиться, крикнул:

– Да!

И дверь отворилась.

Глава 2

Где-то далеко, вне нашей системы координат

– Получена информация из системы два-пять-восемь?

Вопрос этот был задан на языке, которого не понял бы ни один подданный известной нам Федерации – даже обитай он на самой отдаленной и совершенно не похожей на Землю планете. По человеческим понятиям, это вовсе и не язык был. Информация передавалась не через сотрясения воздуха. Его тут, кстати сказать, и не было. И без него весьма успешно обходились.

– Нет, Всеобъемлющий. Информация не проходит в обе стороны. Ни от нас – туда, ни от них к нам.

Но и этот язык обладал прекрасными возможностями выразить всяческие чувства – в том числе и крайнее недовольство:

– Все еще нет?

А также и стремление оправдаться:

– Как я уже почтительно докладывал, нам удалось установить, в чем причина непрохождения сигналов. Прибыв на место, наш Проницатель смог составить достаточно полное представление о возникшем препятствии.

На этот раз язык выразил иронию и неверие в те доказательства, которые в следующее мгновение будут представлены:

– Ах, удалось?

– Разрешите сообщить?

– Что же вы установили?

– Прежде всего мы определили принципиальную сущность этого устройства. Это не чисто энергетическая система, но и не пассивная вещественная. Мы имеем дело с комбинацией: основа из плотного вещества, то есть твердое тело, достаточно хорошо оснащенное энергетическими устройствами – в том числе и относящимися к высокой энергетике.

– То есть энергетически независимое?

– Всеобъемлющий исчерпывающе определил суть дела.

– Не сомневаюсь. Но все же: каким образом оно влияет на наши каналы, если известно, что это невозможно?

– Дело в том, Всеобъемлющий, что это не обычное вещество. Его знак противоположен нормальному. А антивещество, как вы знаете...

– Да знаю, знаю. Антивещество... Откуда же оно взялось? Теоретически это очень интересно, но прежде всего нас волнует безопасность коммуникаций. Что еще вы успели выяснить?

– Нам удалось сделать ретроспективный анализ. Тело было выведено в нужную точку через первый слой сопостранства. Причем не по прямой; мы смогли вычислить несколько отрезков этого пути; там довольно сложные зигзаги. Начальные элементы маршрута установить, к сожалению, не удалось: слишком много времени ушло.

– Кто-то тщательно подготовил этот выпад. Но принципиальное направление, надеюсь, вам удалось определить?

– Разумеется, Всеобъемлющий.

– Итак?

– Сверхсистема-три.

– Это слишком приблизительно. Сверхсистема-три громадна и многонаселенна. Кстати, там мы никогда не сталкивались с антивеществом. Хотя эта сверхсистема давно уже находится на пути нашего информационного канала. Антивещество... Его появление вряд ли можно считать простой случайностью.

– Совершенно верно. Но по характеру тела удалось установить, какой именно цивилизации оно может принадлежать. С вероятностью не менее девяноста восьми. Это кислородно-углеродная формация. Ее самоназвание – Федерация.

– Не понимаю. Их и наши интересы не пересекаются ни в одной из возможных плоскостей. Система два-пять-восемь их никогда не интересовала; я полагаю даже, что им вообще неизвестно о ее существовании. Слишком далеко для них.

– Мы не пересекались, Всеобъемлющий, совершенно верно. Если, разумеется, не считать эпизода, имевшего место полторы больших паузы тому назад. В одном из маленьких и слабо-населенных мирков на их окраине. Наша замкнутая подсистема поиска тогда находилась там, чтобы...

– Разумеется, я помню об этом, не вы один. Однако тогда произошло лишь соприкосновение, а не столкновение.

– И тем не менее именно их устройство блокирует наш канал, перехватывая, видимо, информацию с обеих сторон. Не уверен, что им удалось сразу прочесть ее, но, как известно, придуманное одним разумом путем некоторых усилий всегда может быть раскрыто другим.

– Вы хотите сказать, что они находятся там уже давно?

– Всеобъемлющий, конечно же, помнит: этот канал с давних времен находился в резерве. Обмен шел по Восьмой дуге – через усилитель в системе три-один. И лишь после того, как Голубой цветок расцвел...

– Система три-один погибла – разумеется, помню. Да, да. Вы перешли на этот резервный канал...

– И он оказался заблокированным, совершенно справедливо.

– У меня пока не образуется логической цепи, – после паузы признал Всеобъемлющий. – Но невольно возникают соображения: если антивещество по характеру мироздания вообще не присуще той системе, следовательно, оно создано там искусственным путем. Создано – и применено для внесения помех в обмена между нашими системами. Нельзя рассматривать это иначе, как враждебный акт. Конечно, объяснение причин их враждебности появится, но мы не можем ждать, пока оно возникнет. Информация нужна, в особенности оттуда. Именно через них идет... да вы сами знаете. Канал необходимо расчистить. Почему вы не приказали Проницателю сразу же уничтожить это тело там, на месте?

– Моя компетенция...

– Оставьте. Вам известно, что я пребывал в распылении; значит, вы были не только вправе, но и обязаны принимать решения и отдавать приказы. Не говорите, что вы этого не знали.

– Разумеется, знал. И у меня было такое намерение. Но одна мысль меня остановила от принятия резких мер.

– Какая именно?

– Если это тело всерьез вросло в нашу коммуникацию, то уничтожение его может катастрофически отразиться на состоянии всего канала. Иными словами, немалая часть его будет просто вырвана, то есть все настройки исчезнут. И пройдет довольно много времени, прежде чем мы сможем восстановить эту трассу – не говоря уже о нужных для этого усилиях. К тому же и само это устройство может быть снабжено средствами для уничтожения канала в случае, если оно подвергнется нападению или иной опасности; ведь не из добрых чувств присылают такие подарки. Вот эти соображения и подсказали мне образ действия: прежде всего осмотреться, разобраться, и уже потом... Не исключено ведь, что наши взаимные передвижения в пространстве уже в самом скором времени выведут тело из места прохождения канала... Хотя, с другой стороны, этого может и не быть: ведь место, в котором находится тело – не что иное, как точка одного из произвольных выходов в это пространство, и как раз поэтому к этой

точке привязан и наш канал: именно там он уходит в туннель. Так или иначе, я полагал, что это нужно выяснить.

– Ну что же. Определенная логика в ваших рассуждениях есть. А нашему Проницателю там не грозит никакой опасности?

– Он очень, очень опытен. Внимателен, осторожен в действиях, и его мышление совершенно прямолинейно и лишено оттенков – ну, вы понимаете, что я имею в виду.

– Я не думаю, что он будет неосторожно обращаться с тамошними устройствами. Я имею в виду опасность со стороны кого-то, кто может находиться внутри этого тела – или где-нибудь вблизи.

– Но Всеобъемлющий ведь не думает всерьез, что в этом устройстве может существовать какая-то вещественная жизнь? По нашим расчетам, оно находится в режиме автономного существования уже достаточно долгий срок, чтобы все процессы такого рода прекратились.

– Да, вы, вероятно, правы. Когда можно ожидать новых сообщений от Проницателя?

– Думаю, что еще какие-то доли паузы понадобятся ему, чтобы увидеть все, что нужно, и сделать выводы.

– Надеюсь, он не станет медлить.

– Он не из таких.

– Хорошо. В таком случае, более вас не задерживаю.

– Почтительно благодарю за благосклонность. Преданно исчезаю.

– Но не забудьте сообщить мне немедленно, едва только узнаете что-либо новое!

– В тот же миг, когда узнаю сам.

Глава 3

Петрония

Она была все еще очень маленькой и к тому же рыхлой. Просто ком тончайшей пыли, которая вроде бы и не собиралась еще слипаться, чтобы образовать сколько-нибудь твердое тело.

Гравиген в центре тела продолжал работать исправно: система была отлажена на совесть, практически не изнашивалась, потому что никаких движущихся частей в ней не было. Но уж слишком мало вещества добавлялось к первоначальной массе: как ни велика была мощность корабельной энергетики, она все же на несколько порядков не дотягивала до параметров, нужных для создания небесного тела. Так что окажись на поверхности планеты кто-либо из обитателей «Кита», он немедленно начал бы погружаться в пыль и вскоре достиг бы центра, где до сих пор нетленное в этих условиях тело инспектора Петрова обнимало кожух гравигена – и должно было оставаться в таком положении до конца света.

Но люди, как известно, рукотворную планетку не посещали.

Зато кто-то другой...

Или, может быть, – что-то другое?

Впрочем, грань между «кто» и «что» всегда оставалась достаточно неопределенной.

Так или иначе, нечто (или некто) оказалось в пространстве по соседству с планеткой. Хотя человеческий глаз – опять-таки, окажись человек тут рядом – ничего не воспринял бы. Но глаз ведь воспринимает лишь малую часть сущего.

Оказалось. Соприкоснулось. Погрузилось. И через краткий срок задержалось именно там, где покоился вот уже восемнадцать лет инспектор Петров, первый герой предполагавшегося нового мира.

Какое-то время Проницатель пребывал в неподвижности. Он размышлял. Потом, придя, вероятно, к каким-то выводам, приступил к делу.

И уже очень скоро оказался доступным для человеческого взгляда. Очень похожим на человека. Совершенно подобным.

При встрече с ним любой представитель старшего поколения обитателей «Кита», возможно, воскликнул бы:

– Инспектор? Вы? Какими судьбами?..

Хотя, если подумать, то вряд ли встреча прошла бы именно так. Скорее всего она не обрадовала бы человека. А еще вероятнее – испугала. Заставила бы подумать, что с рассудком у него не все в порядке.

Потому что всем было давно известно, что Петров мертв. Умер. Или, точнее, погиб при совершении подвига, и предполагаемая планета стала его гробницей.

А тот, кого мог бы встретить обитатель «Кита», был как две капли похож именно на покойного инспектора Петрова.

Если бы Проницатель предполагал, какие чувства его новый – после воплощения – облик способен произвести на здешнего человека, он, пожалуй, еще подумал бы, стоит ли избирать для ведения переговоров именно такой способ.

Хотя что-то он, возможно, и предполагал – или хотя бы чувствовал. Потому что вряд ли можно считать чистой случайностью, что он избрал для проникновения и контакта именно ту часть корабля, где обитали молодые. Те, кто о Петрове что-то слышал, но в глаза его никогда не видал. А портретов инспектора на корабле не было.

Похож Проницатель на Петрова был потому, что для воплощения он даже не стал копировать тело; он просто-напросто его использовал. Это давало возможность не опасаться каких-то неточностей.

Таким образом, в глубь новой планетки погрузилось нечто, а вынырнул оттуда инспектор Петров собственной персоной.

Вынырнул и – нимало не смущаясь тем, что передвигаться пришлось в пустоте, – полетел к кораблю. Именно туда, где Проницатель бывал уже в своем нормальном существе и успел обеспечить свою безопасность от каких-либо угроз. Поскольку неуязвимых существ не бывает, то и у Проницателя, естественно, были свои уязвимые места.

За несколько минут он достиг поверхности «Кита», а еще через секунду-другую исчез под нею.

Теперь ему оставалось лишь ознакомиться как следует с внутренним устройством корабля и найти в нем кое-какие инструменты. Они не были бы нужны для переговоров. Но Проницатель помнил, что в случае неудачи он должен уничтожить объект. Для этого предстояло работать с веществом – следовательно, обладать и вещественными инструментами. Масса корабля была слишком велика, чтобы с ним можно было покончить, используя тот ограниченный запас энергии, каким располагал Проницатель.

Для людей его вторжение осталось совершенно незамеченным.

Глава 4

Земля

Физика доктора Авигара Бромли лихорадило. Возможно, даже температура поднялась намного выше нормальной, и лоб был в поту. Но винить в этом простуду или какого-нибудь зловредного микроба было бы совершенно неправильно. И сквозняки, и инфекция были тут никоим образом ни при чем.

Нервы, нервы...

Собственно, а что удивительного?

Впрочем, нервы – это уже во вторую очередь. А первоисточником зла сделалось научное наследие доктора Хинда, в котором Бромли, оказавшись в составе комиссии, начал разбираться сперва с немалой досадой (повод весьма печальный, чувствуешь себя кем-то вроде могильщика, а к тому же еще и безвозвратная потеря времени), затем – с нарастающим интересом, а вот теперь еще и с вовсе странным чувством: смесью досады, зависти, обиды и даже возмущения.

На то были свои причины.

Заключались они прежде всего в том, что доктор Бромли вот уже почти двадцать пять лет вел определенные исследования по контракту с Главным штабом Защиты Федерации...

* * *

Юрия Еремеева волновало совсем другое. Ничего удивительного. Он не знал не только о гибели доктора Хинда, но и о самом существовании ученого. У молодого спасателя были свои заботы и проблемы.

Последнее время его заботили прежде всего сны. Они были тревожными и печальными. После них он просыпался совершенно не отдохнувшим, наоборот – болела голова, дрожали руки, и даже сердце давало сбои.

Начавшись не так давно, сны стали сниться ему каждую ночь – регулярно, словно были кем-то запрограммированы. Хотя прежде, за все двадцать два года его жизни, ничего похожего с ним не происходило.

Ему снилась мать.

Он помнил ее очень смутно. Мальчику было четыре года, когда корабль, на котором она с отцом возвращалась, как ему потом объяснили, из поездки на далекую Антору, попал в какую-то аварию и не смог вернуться ни на Землю, ни на какую-либо другую планету Федерации. Хотя никто не говорил, что корабль погиб вместе с находившимися на нем людьми, но какая разница – как называть? Все равно, родителей Юрий лишился и постепенно привык к этой мысли, тем более что материально он не очень пострадал: компания «Трансгалакт», которой принадлежал исчезнувший корабль, назначила ребенку пенсию, достаточную, чтобы он мог жить и учиться в неплохом интернате, куда его определили, и потом закончить образование и получить специальность. Когда пришла пора выбирать, он предпочел работу, связанную с природой, и вот уже четыре года жизнь его проходила по большей части в высоких нагорьях Азии, а в городах ему приходилось бывать редко. От этого Юрий, кстати, не страдал; похоже, он не очень нуждался в обществе себе подобных.

И все было хорошо и спокойно – пока мать не стала навещать его во сне каждую ночь.

Она была не такой, какой рисовали ее полустертые воспоминания, но старше и без той постоянной улыбки, запомнившейся сыну, пожалуй, больше всего. Наоборот: она выглядела грустной, порой даже на ее глазах блестели слезы. И ничего не рассказывала, не объясняла;

каждую ночь просила только об одном: чтобы он откликнулся, поговорил с нею, рассказал, как ему живется, помнит ли ее и отца.

У нее же, по ее словам, все было хорошо.

И он во сне, разумеется, разговаривал с нею, о чем-то рассказывал, что-то спрашивал. Жаль только, что, проснувшись, помнил лишь то, что говорила она, и напрочь забывал то, что отвечал и о чем спрашивал сам.

Первые несколько ночей эти неотвязные сны казались ему интересными. Потом начали раздражать. А ощущение, что мать просит его о помощи, а он и представления не имеет, как ей помочь, со временем стало совершенно выводить его из себя. Юрий чувствовал, что становится нервным и все хуже контролирует себя. Он понимал, что для человека, одиноко живущего вдалеке от больших поселений, в условиях, где каждый неверный шаг может оказаться последним, такое состояние достаточно опасно.

Поэтому, когда никакие его усилия не помогли избавиться от привязчивых снов, он решил, запер свой дом и улетел в город, чтобы посоветоваться с невропатологом.

Врач, внимательно выслушав, сказал:

– Конечно, я могу дать вам лекарство. Но нет таких, что избирательно действуют только на сновидения. Наши средства просто притупят вашу восприимчивость – а это, насколько я понимаю, вашей работе противопоказано.

С этим нельзя было не согласиться.

– Что же мне делать? – спросил обескураженный Юрий.

– Если хотите, я дам вам адрес другого врача. Он работает во второй традиции. Думаю, он сможет помочь вам больше, чем я или мои коллеги.

– Вторая традиция? Что это такое?

Юрий раньше к врачам не обращался, потому что не болел.

– Они работают без лекарств. Пользуются старинными способами... Но они сами вам расскажут лучше. Врач, о котором я говорю, – мой давний приятель, и за него я могу поручиться. Хотите?

– Хорошо. Попробую...

И Юрий незамедлительно отправился по названному адресу.

Там его приняли почти сразу. Снова пришлось рассказать – и не только о своих снах, но, одно за другим, по сути, всю свою недолгую жизнь.

Когда он закончил, врач заговорил не сразу. И сказал вовсе не то, чего ожидал молодой человек.

– Освободить вас от этого, конечно, можно. Нет никаких сложностей. Но вот – нужно ли?

– Не понимаю вас...

– Вы можете остаться в городе на ночь? Работа стерпит?

– Н-ну, до завтра – пожалуй, – ответил Юрий, подумав.

– В таком случае... У вас есть, где переночевать?

– Да найду что-нибудь.

– Нет надобности. Оставайтесь здесь, у меня. А завтра вместе поедem в одно место, к очень интересному человеку. Он и объяснит, почему вам никак не следует бороться с этими сновидениями – скорее наоборот.

– Согласен, – сказал Юрий, которого слова врача успели уже заинтересовать. В возрасте Юрия люди еще склонны увлекаться всем, на чем лежит какой-то отпечаток таинственности. Это позже они начинают ее бояться.

* * *

Юрий надеялся, что на новом месте – в гостевой спальне в доме доктора второй традиции – привязчивый сон не найдет его. И заснул с удовольствием в этой приятной надежде. Он не обратил ровно никакого внимания на то, что обстановка спальни была в какой-то степени странной: помимо всего, что нужно было, чтобы с комфортом отдохнуть, тут находились еще какие-то штуки, которым в спальне было не место: стены были украшены металлическими дисками, большими и поменьше, плоскими и вогнутыми, самый большой из них помещался на потолке прямо над очень удобной кроватью; горшки с непривычными, странными на вид растениями стояли на тумбочках и этажерках, некоторые из них источали тонкий и непривычный запах – может, благодаря ему тут дышалось очень легко. Помимо туалетного столика, здесь стоял и другой – длинный и узкий, занимавший целую стену, и он был уставлен аппаратами, которые Юрий принял за принадлежности аудио- и видеосистем. Наверное, здесь можно было приятно провести время перед сном. Но молодому человеку очень хотелось спать, так что он, не обращая особого внимания на весь этот антураж, быстро разделся, вымылся под душем (вода, почудилось ему, была голубоватой и уж точно обладала тем же запахом, что и цветы), лег и сразу уснул, почти уверенный, что на этот раз обойдется без тревожного сна.

Спал он крепко, и едва уловимое гудение аппаратов, включившихся сразу после того, как он закрыл глаза, его не беспокоило, вообще осталось незамеченным.

Однако не обошлось без сновидения. Все повторилось. Поэтому он встал, испытывая легкое чувство досады. Хотя никто ведь и не обещал ему, что эта ночь пройдет иначе, чем другие.

Он успел уже умыться и одеться, когда в дверь постучали. Вошел доктор и пригласил Юрия позавтракать.

За завтраком оказался еще один человек. Он был стар, но бодр, и глядел на Юрия с каким-то веселым интересом.

– Знакомьтесь, – сказал доктор. – Это профессор доктор Функ.

Юрий усмехнулся не очень весело:

– Кто же из вас будет лечить меня? Или это консилиум?

Врач улыбнулся в ответ:

– Доктор Функ – физик. А что касается лечения – он хотел бы прежде всего объяснить вам некоторые вещи.

– Ну, если это нужно... – проговорил Юрий без особого воодушевления.

– Вы видите во сне вашу матушку, – сказал Функ, воспользовавшись именно этим, давно уже устаревшим словом. – Вы разговариваете с нею, я не ошибаюсь?

Юрий лишь кивнул.

– И вы хотите избавиться от этих... скажем так, сеансов.

Юрий снова кивнул:

– Это очень тяжело. А главное – бессмысленно. Вот если бы...

Он не договорил. Но доктор Функ тут же подхватил его мысль:

– Если бы это имело какой-то практический смысл, не так ли? Если бы можно было разговаривать с нею не так, а лицом к лицу – то вы были бы согласны и потерпеть, я вас правильно понял?

– Да, – тихо сказал Юрий. И повторил, уже громко: – Да. Вы поняли правильно.

– Прекрасно, – сказал Функ обрадованно. – Вот именно такой вариант действий я и хочу вам предложить. Согласитесь ли вы сотрудничать со мною для того, чтобы сделать это реальностью?

– Разве это возможно? – спросил Юрий Еремеев недоверчиво.

– Есть основания думать, что да. В особенности – при вашем содействии.

– И я смогу увидеть ее?

– Мы сможем разговаривать с нею, а возможно – и с другими людьми, еще живущими на корабле. А затем – как знать, может, точно выяснив, в каком положении и где именно они находятся, мы сумеем оказать им и практическую помощь – чтобы они вернулись сюда, к нам. Тогда можно будет с ними не только общаться на расстоянии, но и... Как вам такая перспектива? На вашем месте я бы согласился, не раздумывая, честное слово!

– А я... действительно смогу чем-то помочь?

– Пока, – сказал доктор Функ внушительно, – вы являетесь единственным человеком, у которого существует достаточно устойчивый канал связи с кораблем. Пусть хотя бы с одним человеком на нем. Так что если не вы – то никто другой.

Юрий глубоко вздохнул – но не от печали.

– Я согласен, – сказал он. – Да, конечно.

– Вот и чудесно, – подытожил доктор Функ тоном, ясно показывавшим, что в согласии молодого человека он ни секунды не сомневался.

К чести молодого Еремеева, он не колебался ни минуты; хотя родителей своих он практически не помнил, тем не менее готов был сделать все возможное, чтобы обрести их снова. Возможно, это было нужно ему, чтобы ощутить себя полноценным существом, имеющим полный набор полагающихся человеку корней. Видимо, жизнь среди немногочисленных групп и вообще в местах, до сих пор остававшихся достаточно безлюдными, научила его ценить людей, само их существование. Этого никогда не понять тем, кто всю жизнь проводит в людской массе. Удовлетворяло Функа и еще одно: живя и работая в таких условиях, человек сознательно и бессознательно развивает в себе те способности, которые по инерции все еще продолжали называться паранормальными и которые, как полагал физик вместе со своими единомышленниками, как раз и являются самыми нормальными, естественными, хотя и основательно забытыми и атрофировавшимися из-за неупотребления. То есть – полагал он – обучать Юрия придется, начиная не с азов, а уже с достаточно высокого уровня.

В заключение разговора Функ поинтересовался, не сможет ли Юрий в ближайшее время приехать, чтобы, не откладывая, приступить к работе. Он не стал скрывать, что пока еще не пользуется ничьей официальной поддержкой, включая финансовую; физик уповал на то, что для романтиков эта сторона жизни никогда не являлась главной. Так оно и получилось: Юрий сказал, что в ближайшие дни так или иначе должен приехать на очередную экзаменационную сессию, так что никаких дополнительных расходов не потребует. Сразу же они назначили время и место встречи. Теперь Функ мог смотреть в будущее с куда большей уверенностью, чем еще вчера: то, что ему было нужно, полагал он, найдено; оставалось лишь работать и работать.

Глава 5

Бытие

Итак, Истомин оказался наконец в тесной каюте, где собрались по какой-то своей причине все молодые. Моргая, он огляделся вокруг.

Множество глаз смотрело на него – не то чтобы с интересом, и, уж во всяком случае, без всякого удивления; скорее всего эти взгляды выражали просто равнодушие. Хотя, может, ему это просто показалось спросонок? Да к тому же и освещена каюта была очень слабо: ни плафон не горел, ни прикроватные лампочки, лишь в углу едва мерцал дисплей отдыхающего компьютера, и был еще один огонек, да и то не нормальный, не электрический, а какой-то вовсе уж первобытный: свечка, что ли? Что-то совсем уж пещерное было в крохотном язычке пламени. Молодые сидели кто на чем: на койках, на стульях, иные и просто на полу. И молчали. И смотрели на него – или, может, сквозь него, кто их знает...

Но тут же среди них произошло движение: встала и подошла к Истомину высокая девушка с коротко подстриженными волосами, большими черными глазами, чей пристальный взгляд даже и раньше, когда она была совсем еще пигалицей, простреливал, как в свое время определил это действие Истомин; этакая юная ведьмочка. Одетая она была, впрочем, не в мантию, а точно так, как давно уже одевалось все молодое поколение на корабле: в широчайшие пифагоры и просторную майку. Гренада. Вторая барышня Карская. Родная сестра Ее Величества Королевы. Принцесса, что ли, по их игре? Сколько ей сейчас: кажется, пятнадцать. Уже совершенно взрослая девица...

Истомину сразу же стало совсем неудобно за свой спальный вид. А кроме того, ребяташки эти мало ли что могли ведь подумать: ворвался без стука, в халате...

Он невольно запахнул полы поплотнее. Хорошо хоть, что шлафрок был длинным, так что голые икры не сверкали.

Истомин ожидал получить выговор за вторжение. Оказалось же не так. Гренада, не говоря ни слова, присела на корточки рядом с ним, положила ладони на встрепанную голову писателя. И он сразу же почувствовал, что сонливость улечивается, как утренняя роса.

– Что-то случилось, друг сосед? – спросила она. Не то чтобы с большой тревогой, но и не совсем равнодушно. Видимо, понимала уже, что никто не вечен в их маленьком мире.

Писатель хотел было весело ответить: зашел, мол, посмотреть, как вы тут себя ведете, не начали ли уже разбирать корабль по кирпичику, по досочке. Но получилось почему-то неожиданно хрипло, как с перепоя, и так же невразумительно:

– Вибрация – думал, это у вас.

Теперь спросила уже Королева, явно недоумевая:

– Вибрация?

– Вы что – не почувствовали? Но вы же не спали.

– А-а, – протянула Орлана, – вы о сотрясении? Оно вас волнует? Нас тоже. И не только оно. А причину его мы знаем.

Это было неожиданно.

– И в чем же она заключается?

– Это вы. Ваше поколение. Вы уже впадаете в маразм... Но мы собираемся помешать вам убить нас всех – по глупости или по незнанию.

Писатель едва не развел руками: такая наивность – а ведь не ребенок уже!

– Да откуда вам знать? – то было нечто среднее между вопросом и упреком. – Обычный ваш, извините, юношеский максимализм. Право же, ваши упреки необоснованны...

Девушка-монархиня только пожала плечами:

– Откуда нам знать? Дорогой сосед, вы-то уж должны бы понять и сами. Вы же не совсем лишены фантазии.

– Наверное, ума на сей раз не хватило. Объясните, будьте настолько снисходительны к моим замшелым мозгам!

Он уже почувствовал, что начинает злиться; но в эти мгновения никак с собою не мог справиться.

– В чем же таком мы провинились?

– Да нет, – проговорила Королева как бы снисходительно, – не о вашей вине речь... Хотя, если подумать, она есть. Ваша вина в том, что вы по-прежнему считаете себя более умными, более знающими, опытными – и так далее. И очень хотите сохранить за собой право определять, как же всем нам следует жить в этом мире.

– Разве мы не правы? До сих пор ведь ничего плохого ни с кораблем, ни с кем из нас не случилось, верно?

– Наверное, нам просто везло.

– А сейчас – что же нам грозит?

– Писатель! Вы же сами только что пришли к нам в тревоге. Хотя могли бы спохватиться и пораньше.

– Вы хотите сказать – эта тряска приключается не впервые?

Орлана кивнула.

– Но не в тряске дело, – сказала она.

– Может, знаете, в чем ее причина?

– Долго объяснять, – ответила она, глядя куда-то мимо писателя. И это совершенно уверило его в том, что не кто иной, как именно детишки тут что-то нашкодили – и теперь сидят тут в полутьме и страхе, ожидая последствий.

– Разве происходит еще что-то?

Она ответила не сразу:

– В том-то и дело: что-то происходит постоянно. Но никто из вас так и не потрудился даже подумать об этом.

– Так помогите же понять!

(«Если вы такие умные», – хотел было он добавить, но благоразумно сдержался.)

– Да мы давно стараемся сделать это! Но нас не хотели слышать.

– Ну вот я сейчас готов. Я весь – внимание.

– Беда в том, – проговорила Орлана (без наставительных ноток в голосе, но как бы с некоторым сожалением), – что все вы до сих пор – а ведь сколько лет прошло! – все еще продолжаете думать, что живете на корабле. А жизнь на корабле – всегда временная, потому что он улетает из устойчивого, определенного мира и прилетает в такой же. Корабль не является самостоятельным миром, он только урывками общается с системой пространства, его взаимоотношения с Большим миром очень поверхностны, и люди просто не успевают заметить их и оценить. И до сих пор все вы продолжаете думать и чувствовать именно так. А на самом деле все давно уже обстоит совершенно иначе. Постарайтесь понять это – вот сейчас, сию минуту, потому что если не сможете – не будет никакого смысла разговаривать дальше. Постарайтесь: это очень серьезно.

– Хорошо, – согласился Истомин.

– Я ему помогу, – пообещала Гренада.

* * *

Он и в самом деле задумался в наступившей тишине. Как и обычно, когда нужно уразуметь что-то сложное, непривычное, попытался увидеть картинку, составленную из тех образов, что были для него представимы и понятны.

Корабль. Нет, не «Кит», вообще не звездолет; корабль в обычном земном океане, на обширной, практически бескрайней водной поверхности. Как живут, как ведут себя на нем люди? Да, в общем, так же, как и на суше. И влияют на него силы, свойственные земной поверхности: ветер, движение волн, возможные рифы и мели, другие корабли. . .

Но вот произошла катастрофа, и корабль затонул. На большой глубине, где никто не может оказать ему никакой помощи. По счастью, он устроен так, что людям не грозит гибель: и воздух, и пища, и все нужное запасено на нем в избытке. Так что можно доживать век, пусть и в полной изоляции от того, что пассажиры считают своим настоящим миром. И ничего – в принципе – менять не нужно.

А жизнь идет своим чередом. И вот рождаются дети. Подрастают. Вырастают.

Родители смотрят на них, как на себе подобных. Ничуть не понимая, что на самом деле сходство у них только внешнее. Ну – физиологическое, хотя уже не полностью. На самом же деле два поколения друг для друга – инопланетяне. Потому что родились они в разных мирах. Для детей окружающий мир – это океанская глубина. Они никогда не видели, допустим, собак – разве что в записях. Но, может, им приходилось уже заметить обитателей глубин? Есть ведь способы выглянуть за борт – хотя бы через иллюминаторы. . . А может, не только видеть, но и слышать? Глубоководные общаются на иных частотах, но разве можно исключить, что люди, родившиеся в этой среде – а обшивка корабля никак не дает полной изоляции от самых разных акустических, электромагнитных и мало ли еще каких влияний, – что дети еще в утробе матери не получили способности воспринимать все это? Свойства ведь формируются в зависимости от окружающей среды. . . Корабль, легший на дно, подвержен влиянию совсем иных сил, чем на поверхности; тут нет ветра и волн, нет звездного неба для ориентации и восхищения – но их заменяют подводные течения, температурные горизонты, еще что-то; именно этот мир, видимый изнутри, дети считают своим, единственно возможным в реальности – и, наверное, со временем приучаются чувствовать происходящие на глубинах процессы куда острее и вернее, чем их родители. Родители полагают, что живут в неизменном мире, – а дети уверены, даже больше – они знают, что мир этот на самом деле подвижен, переменчив, что в нем – свои законы, свои обитатели, свои угрозы и защиты. . . Мало того: считая этот мир своим, дети непременно станут стремиться к освоению его, к более тесному с ним общению; пусть они и не имеют жабр, но могут – во всяком случае, достаточно часто – выходить в него, исследовать, понимать, использовать. . . Если бы у них не возникало такого стремления – они просто перестали бы быть людьми, превратились бы в неких человекообразных – не более того.

А эти наши ребятки – нет, они не просто человекообразные; они – люди. Правда, уже не совсем такие, как мы – и ничего с этим не поделать. . .

* * *

– Он понял, – сказала Гренада, посверкивая ведьмиными глазами. – Ему удалось даже увидеть. Хотя и примитивно.

Истомин провел ладонью по лбу, как бы выйдя из транса.

– Да. Наверное.

Глубоко вздохнул.

– Ну – и что же вы собираетесь делать?

Королева Орлана сказала очень серьезно:

– Повернуть жизнь в верном направлении. Чтобы общаться с этим миром и все более чувствовать себя его частью. Взрослые не понимают: заняв в большой Вселенной какое-то место, мы создали изменения, которые не могли не разойтись во все стороны и, где-то от чего-то отразившись, не вернуться обратно – чтобы в свою очередь подействовать на нас. Понимаете – самим своим возникновением мы чему-то помогли, но кому-то – или чему-то, это условно – помешали. И те, и другие не только будут как-то влиять на нас – они уже делают это. И наверняка вибрации – лишь более четко осязаемое проявление этих влияний. Мы, правда, еще не знаем, к чему такие воздействия могут привести. Но хотим, должны узнать! А для этого нам нужно использовать все возможности корабля, точнее – нашего малого мира. И чтобы их использовать – мы должны взять все в свои руки. Так мы решили. Так мы и сделаем. А точнее – уже делаем.

– Да?

– Я знаю, что вы, сосед, поняв нашу правоту, не предадите нас. И могу сказать: одна из нас – Майя – уже сейчас направится в инженерный пост корабля, где будет перенимать все знания и умения, необходимые, чтобы использовать корабль так, как понадобится. Но это станет лишь самым началом.

Названная по имени девушка только улыбнулась и кивнула.

Теперь – самое время настало спросить:

– Скажите: вы в салоне ничего не делали с... ну, со всей той техникой, что там установлена? Соленоиды и прочее...

Она чуть заметно пожала плечами:

– Пока у нас не возникало такой необходимости.

Тут, наверное, следовало продолжить: «А как же вы собираетесь взять в свои руки власть на корабле? Думаете, что старшее поколение вам так, добровольно, и отдаст ее? Или готовы бороться любой ценой – вплоть до кровопролития?» Но на такой вопрос он почему-то не решился. Вместо этого поинтересовался:

– Скажите... только откровенно, прошу вас: дело-то ведь серьезное. Вы покидаете корабль? Выходите за его пределы? Навещаете Петронию?

Королева Орлана смотрела на него ясным, спокойным взглядом.

– Мы собираемся начать выходы в недалеком будущем. Недаром же нас научили пользоваться всей нужной техникой.

– Думаете, это удастся без помощи экипажа?

– Ну вот еще. Мы рассчитываем на его помощь.

– В самом деле? Они просто так – вот возьмут и согласятся? Инженер Рудик, к примеру, так вот сразу и обеспечит вам выход?

– А почему бы и нет?

– Вы плохо его знаете.

Истомин в ответ услышал:

– Это вы, сосед-писатель, плохо знаете всех нас. Разве мы – такие уж непривлекательные женщины? Или вы перестали быть мужчинами?.. Возьмем и пошлем к нему кого-нибудь из нас...

Вот так просто ответила ему Орлана: мы – юные и красивые женщины, а вы – всего лишь мужчины, как же вам устоять? Словно бы они обитали в добрые старые времена на Земле или другой нормальной планете. Истомин даже едва не рассмеялся. И промолвил:

– Просто соблазните мужчин? Даже своих отцов в том числе?

– Именно, – ответила Орлана. – На всякого отца найдем, если понадобится, чужую дочь.

Впрочем, сказано это было тоном отнюдь не серьезным; при желании можно было принять это и за обычный юношеский треп. Именно к шутке (подумал Истомин) это и следовало свести.

– В таком случае, Ваше Величество, смогу я рассчитывать на вашу благосклонность?

Вместо монархини (та лишь подняла брови) ответила ее сестра, принцесса Гренада:

– На это не рассчитывайте, друг-сосед. Вы достанетесь другой даме. И не надо плотоядно оглядываться: она будет не из нашего числа.

– Вы поразили меня в самое сердце, – сказал Истомин.

– Вы наш друг, а друзей не подкупают, – заявила Королева. А ее сестра без всякой паузы добавила:

– А вам уже спать пора. Баиньки.

– Я, к сожалению, давно уже страдаю бессонницей, – ответил на это Истомин и сразу же продолжил: – Скажите: а вход в салон – это вы заблокировали?

– Вход в салон? – удивилась королева. Очень хорошо удивилась, почти натурально; не будь Истомин писателем, то есть профессиональным выдумщиком, а значит – лгуном, он скорее всего поверил бы. – А разве он закрыт? Знаете, мы как-то не замечали – мы туда и не ходим вообще... Может, это вам от бессонницы кажется? Но в этом мы как раз можем вам помочь.

«Не лгите мне!» – хотел было возмутиться Истомин. А также поинтересоваться – не пробовали ли они сотворить что-то с небольшим компьютером – тем, что зачем-то пристроен в глухом закоулке позади синтезаторной; было у писателя интуитивное ощущение, что машинку эту трогать не следует: слишком она там неестественна...

Однако не успел. Он вдруг почувствовал, что какая-то неодолимая тяжесть заставляет его веки опускаться все ниже... ниже... ни... И ласковый голос звучит:

– Ты устал, писатель, отдохни немного...

И в следующее мгновение Истомин ощутил, что сон наконец-то настиг его. И что он засыпает вот прямо так: просто упадет сейчас на пол.

Если, конечно, для него отыщется местечко.

Как это приятно – уснуть наконец после стольких попыток. Так что даже и непонятно становится, что было прежде: сон – или сновидение – что-то там про детей. Молодое поколение. Наша радость и гордость...

* * *

Он открыл глаза и узнал свою каюту. Уже много лет – его. А он, выходит, спал у себя дома. Вот только...

Вот только – откуда взялась Мила, вдова Еремеева, жена Нарева, мать Валентина и Валентины?

А это ведь она сидела на краю его постели и глядела, непонятно покачивая головой.

Истомин хотел было спросить у нее – как и зачем она сюда попала: здесь у него никто из обитателей первого класса никогда не бывал. Но не спросил, потому что сил не нашлось – настолько он вдруг ощутил себя слабым, и все, что он смог, это – уснуть дальше.

Баю-бай.

* * *

Мила оказалась у Истомина, в общем-то, случайно.

Как с ней часто бывало все последние годы, она с вечера крепко уснула – и среди ночи проснулась в страхе – потому что ей снова приснился Юрик, но на этот раз вовсе не так, как это бывало до сих пор; в этом сне она видела его совсем не там, где он представлялся ей прежде: не

у себя дома, а в какой-то странной обстановке, в большом зале, где стояло множество каких-то нудных устройств или приборов. Кроме того, Юрик был не один, рядом с ним виднелись два каких-то совершенно незнакомых Миле старика; и говорил он ей совершенно непривычные вещи: по словам сына, она должна была немедленно рассказать о своих снах другим людям на корабле, а потом – запомнить какие-то слова и даже математические формулы, в которых она ничего не понимала, и на следующую ночь попросить их присутствовать там, где она будет спать, чтобы сразу же, проснувшись, она смогла передать им все, что услышит. Во всем этом было много странного; к тому же этой ночью рядом с Юриком не было младших детей, здешних – Валентинов и Али, а ведь до сих пор они всегда снились ей вместе, хотя Юрик находился так немыслимо далеко от младших.

Скорее всего это должно было означать, что не с ним, а с младшими происходило что-то неладное. Они были здесь, совсем рядом, в туристическом корпусе, но Мила заходила к ним не часто, как и все остальные родители: детям – они выросли очень своенравными и держались своей компании, не оказывая старшим никакого уважения, – визиты старших нравились чем дальше, тем меньше. Однако сейчас было просто необходимо зайти к ним. И для того, чтобы помочь, если они нуждались в помощи, и чтобы (если у них все в порядке) посоветоваться с ними насчет странного сна. А может, и не с ними, а с подругой Валентины – Гренадой: эта девочка хорошо разбиралась в снах и во всем таком прочем.

Поэтому, проснувшись и почувствовав, что больше просто так не уснет, Мила сделала то, к чему привыкла уже давно: надела халат и бесшумно выскользнула из каюты. Хорошо знакомой дорогой она добралась до туристического модуля. Она уже много лет тому назад убедилась: достаточно ей подойти к двери каюты, в которой жила теперь Валентина с подругой, а затем и к другой, где обитал Валентин и еще двое его приятелей, внимательно прислушаться, убедиться в том, что все тихо и спокойно, никто не ссорится и не мечется в бреду, – и на душе сразу же станет почти спокойно, так что, во всяком случае, можно будет вернуться к себе и, угревшись, уснуть, чтобы спать до самого утра. Так и на этот раз: если они спокойно отдыхают, она будить их не станет и насчет сна посоветуется завтра. А сейчас – ну, просто послушает, успокоится и, вернувшись к себе, безмятежно уснет.

На сей раз, однако, получилось не совсем так, как Мила предполагала.

Вся или почти вся ребятня (так она называла про себя молодое поколение) вместо того, чтобы мирно спать, толпилась в коридоре. Валентин и Семен – самые крепкие – поддерживали под руки человека, в котором Мила не сразу узнала Истомина. Ей так давно не приходилось с ним встречаться, что она почти совсем забыла, как он выглядит. Истомин беспомощно обвисал на руках ребят. Он громко дышал. Мила испугалась. Она вспомнила Еремеева – такого, каким он становился, когда синтезатор выдавал ему очередную дозу спирта. Было похоже. Но, приблизившись, она не ощутила тогдашнего отвратительного запаха. Следующей мыслью было, что у писателя приступ – сердечный или еще какой-нибудь. Но сын тут же успокоил ее, объяснив:

– Да он уснул. Давно не спал, наверное.

В это Мила не совсем поверила: ей уже приходилось и на себе самой испытывать способность ребят усыплять человека, когда он надоедал им или мешал; случалось это не часто, потому что молодых людей предпочитали не беспокоить без настоящей надобности. Тем не менее все знали, что они это умеют.

– Что же он у вас делал?

– Да просто от скуки, наверное, зашел, – объяснила уже Орлана. – Хорошо, что вы тут оказались. Ребята дотащат его до жилья, а вы, если не возражаете, побудьте с ним, пока он не проснется: он принял много снотворного, да и мы, – девушка чуть усмехнулась, – немного добавили, так что пробуждение может оказаться не совсем легким – вот вы его и успокоите.

Ей этого не очень хотелось – не вполне прилично это было, кажется, – но возражать Мила не стала. Спросила лишь, переводя взгляд с дочери на сына:

- У вас все в порядке?
- Здесь всегда порядок, – успокоила Орлана, остальные согласно кивнули.
- Ладно, ведите его. Только как вы его доставите на самый низ?
- Запустим лифт, – сказал Валентин.
- Разбудите инженера?
- Уж будто мы сами не справимся, – усмехнулся Семен.

И действительно, лифт как бы сам заработал, стоило им лишь приблизиться к входу: дверца его гостеприимно распахнулась.

- Он что, вам уснуть вовремя не дал? – спросила Мила перед тем, как войти в кабину.
- Мы и не собирались, – ответил сын.
- Ночь же стоит!
- Это по-вашему. А по нашему счету – самый полдень.

Не найдя, что сказать, мать лишь покачала головой. Непонятную жизнь вели дети. Хотя, кажется, свободой не злоупотребляли. И на том спасибо.

Ей было жалко детей. Бедные существа, которые никогда не увидят настоящей жизни, потому что настоящая жизнь возможна лишь в общении со всей природой, которой здесь не будет ни при жизни Вали и Валюши, ни даже при их правнуках.

Если, конечно, молодое поколение еще решит продолжаться.

Пока же на это не было похоже. Выглядело так, словно проблемы любви и секса не очень-то тревожили юношей и девушек. Хотя поколение, к которому принадлежала Мила, в этом возрасте (насколько она помнила) именно данными проблемами интересовалось больше, чем всем прочим на свете.

Быть может, вдали от большой жизни эти инстинкты, начиная с продолжения рода, угасали, не получая какой-то стимуляции извне?

Подобные мысли на какое-то время совершенно вытеснили из ее головы впечатления от сна, которыми она хотела поделиться с детьми. А когда Мила спохватилась, лифт уже скользил вверх.

* * *

Об этом Мила и заговорила с писателем, едва убедившись, что он пришел в себя после тяжелого сна. Об этом, а вовсе не о своем сне: Истомина ведь не было в числе людей, с которыми, по просьбе Юрика, надо было поговорить. А кроме этого и потому еще, что у женщины возникли – просто не могли не возникнуть – некоторые подозрения по поводу его визита туда, где жили вполне уже взрослые девушки. Истомин – в ее представлении, во всяком случае, – по-прежнему оставался вполне нормальным мужчиной, много лет уже лишенным (насколько Мила могла судить) женской близости. И у него, конечно же, существовали свои желания, которые и направили его туда, где его так негостеприимно встретили. Тяга к женщине, пусть даже неосознанная; что же еще?

Она не могла даже как следует понять, какие чувства вызвала у нее эта мысль. Разгневалась ли она? Испугалась? Или, может, совсем напротив – обрадовалась?

Ведь, если подумать всерьез и объективно – мужчина, пусть и в годах уже, но все еще в полном здоровье, может сделать то, чего не сумеют мальчики: пробудить хоть в одной юной женщине инстинкт продолжения рода – а за одной неизбежно потянутся и остальные, и человечество продолжится, а что может быть важнее?

Поэтому она молвила очень доброжелательно:

– Я отлично понимаю, что побудило вас... Но вы так давно, кажется, не общались с женщинами, что успели забыть, какой подход мы любим. С женщиной нужно остаться наедине и лишь тогда дать ей понять...

Истомин, однако, вовсе не был расположен размышлять на столь отвлеченные темы. И совершенно не понял, что имела в виду Мила.

– Да господи, – сказал он сердито. – Вы что – не чувствовали, как все содрогалось?

Мила опять-таки поняла его по-своему.

– У вас сердцебиения? Наверное, вам нужно обратиться к Зое – она ведь еще и врач все-таки...

– Не понимаю, при чем тут сердце. Я говорю о корабле, а не о моем здоровье. Вы понимаете: что-то странное происходит и на корабле, и в пространстве вокруг нас...

Все же сильный туман стоял в его голове, и никак не удавалось коротко и ясно сказать то, что он хотел – чтобы она поняла и передала другим. Чтобы принять меры, не опоздать...

– Понимаете, они во всем винят нас. И готовят что-то... Конечно, нехорошо с моей стороны выдавать, я как бы даже обещал... Но они хотят власть... взять власть в свои руки – такое ведь не раз бывало в истории, верно? Я очень боюсь... Вы ведь не захотите уступить им так просто, верно? Мужчины не захотят. А они ныне уже не такие маленькие – дети... Они сильны и решительны. Мне не хочется, чтобы с ними что-то произошло – но ведь нужно предотвратить! Понимаете, я их люблю. Может, потому, что своих у меня никогда не было, – я всех их очень люблю...

Он говорил и говорил, а Мила ощущала все большее раздражение. Какая власть? Какая революция? Дети есть дети, у них свои игры – разве нужно игры принимать всерьез? То ли он спросонья болтает, то ли... пытается отвлечь ее от истинной цели своего похода к молодым? Но ей некогда его слушать: у нее серьезное, хотя и не очень понятное поручение, данное Юриком, и надо поскорее передать все тем людям, которых назвал сын...

Но как только прозвучало ключевое слово – «люблю» – она сразу же встрепенулась:

– Я догадываюсь о силе ваших чувств... Думаю – это Орлана? Или... – Она не решилась спросить: «Или – моя дочь?» – ей как-то не хотелось все-таки, чтобы его избранницей оказалась Валентина. Она и моложе, и вообще...

– Ах, вот вы о чем? Да, конечно... То есть я хотел сказать – нет, разумеется. Никто из них ничего не понимает, – сказал он с чувством, весьма похожим на разочарование. – Они точат зубы на всех ваших мужей. А знаете, что они мне пообещали? Кого-то из наших женщин – хотя все вы ведь замужем!

– Я понимаю, понимаю, – поспешно заверила она, – что без женщины не может быть настоящей, полной жизни...

Она повернулась к Истому, чтобы лучше видеть его лицо; пола халата соскользнула с колена, открывая бедро. Мила поспешно водворила ткань на место – но это-то движение как раз и привлекло внимание Истомина, и внезапно направило его мысли в сторону дел практических.

– Без женщин, да... – пробормотал он скорее самому себе. – А может, это вас они и имели в виду? Быстро, быстро...

И как-то непроизвольно протянул руку и положил ладонь на ее колено, невзирая на то, что Мила из осторожности придерживала полу халата пальцами. Движение было чисто рефлекторным, Истомин, быть может, еще не имел в виду ничего плохого. Просто само слово «женщина» оказалось ключевым и привело в действие стандартную, давно ушедшую в подсознание схему поведения.

Она же восприняла это, как недвусмысленное намерение.

Ей стало не по себе. В первое мгновение она обиделась: ну можно ли было истолковывать ее сочувствие так примитивно, так по-скотски (иначе это и не назвать было). А в следующее

– испугалась: они были вдвоем, очень далеко от обитаемых корпусов, и он, конечно же, был сильнее...

Она медленно, ласково сняла его руку с колена и даже погладила ее – чтобы не обидеть его и не вызвать стремления напасть.

– Да, да, я совершенно понимаю вас... Я попытаюсь вам помочь... Поговорю с нею, уверена, что она отнесется к вам наилучшим образом... Вы ведь заслуживаете всяческого уважения и любви, да, и любви. Только потерпите еще немного...

Произнося слова утешения и надежды, Мила осторожно встала и – спиной, спиной – продвигалась к двери.

– А сейчас мне пора... мне давно уже пора, муж, я думаю, уже ищет меня, а он очень неприятен, когда сердится – когда меня нет рядом... Не провожайте, я прекрасно доберусь сама...

Она была уже около двери, когда закончила свою утешительную речь – умолкла просто потому, что воздуха в легких больше не оставалось. Она как-то забыла, что нужно дышать – до такой степени испугалась вдруг. Хотя Истомин продолжал лежать, не шевелясь, и только недоуменно глядел на нее. Он не успел еще понять, чего это женщина вдруг испугалась. Да, не очень-то качественно молодые выполняют свои обещания. Придется так и сказать им.

Но это было вовсе не самым главным. Еще о чем-то другом там шла речь...

Он сосредоточенно глядел на затворившуюся за Милой дверь; пытался сконцентрироваться на какой-то мысли, она же все ускользала, но продолжала беспокоить, как некая неопознанная, блуждающая боль. И понял наконец, в чем было дело: конечно же, они хотят устроить на корабле революцию, захватить власть – вот что его беспокоило.

Да, угроза существует несомненно. Вибрация, вспомнил он; те сотрясения корабля, с которых все для него и началось. А главное – некто в пространстве, летевший к кораблю и, вероятнее всего, на него попавший. Почему, кстати, он не заговорил о нем там, в турмодуле? Да просто не успел: они там только тем и занимались, что усыпляли его. Вот он и не спросил. А ведь он видел это совершенно точно!

Пока необъяснимые, но тем не менее совершенно реальные явления...

Истомин понял, что не может, да и не хочет оставаться наедине с этими своими мыслями. Тут нужно было мнение специалистов. Несколько минут писатель раздумывал: капитан или инженер? Или, может, Судья?

Наиболее предпочтительным ему показался инженер Рудик. Надо, кстати, предупредить: его хотят просто-напросто соблазнить – и с его помощью получить управление кораблем, его механизмами, в свои руки. Это, несомненно, приведет к немалым бедам...

К инженеру писатель и направился, выпив кофе и более или менее приведя себя в порядок.

* * *

Визит Истомина внес в жизнь Королевства некоторое смятение; но вовсе не по той причине, какая представлялась взволнованной Миле.

Выпроводив писателя, подданные Орланы дождались возвращения Валентина и Семена, а затем принялись обсуждать те события, о которых говорили, когда неожиданное появление Истомина заставило их прервать разговор.

– И все-таки: кто это был? – спросила Орлана.

– Да человек же, – ответил Валентин. – Но совершенно незнакомый. Его никогда не было в нашем мире.

– Может, вы просто плохо разглядели?

Орлана перевела взгляд на второго свидетеля странного явления: на Семена. Тот кивнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.